1917

ГЕОРГИЙ КАТКОВ

Февральская революция

Георгий Михайлович Катков
Февральская революция

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612735
Февральская революция: Центрполиграф; М.; 2006
ISBN 5-9524-2416-3

Аннотация

В этом обширном, всеобъемлющем, глубоком труде историк, философ, русский эмигрант Георгий Катков анализирует особенности предреволюционной политической обстановки в России, прослеживает хронологию событий в годы Первой мировой войны, характеризует революционные партии, которые действовали в стране в то время, рассказывает о состоянии русской армии и политической жизни общества. Свои обобщения и выводы автор подкрепляет выдержками из многочисленных исторически ценных источников.

Содержание

Предисловие 4
Вступление 14
Часть первая 29
Глава 1 29
1. Происхождение самодеятельных организаций[10] 29
2. Самодеятельные организации и политические партии 39
3. Патриотизм и революция 45
4. Рабочие группы военно-промышленных комитетов 52
Глава 2 65
1. Оборонцы 65
2. Пораженцы 72
Глава 3 85
1. Армия в мирное и военное время 85
2. Армия и власти 89
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Георгий Михайлович Катков Февральская революция

Светлой памяти автора «Доктора Живаго»

Предисловие

У правды много врагов. Из них ложь – наиболее явный враг, но наименее опасный. У наглой, сознательной лжи, как говорят русские, «короткие ноги». Она далеко не уйдет. Гораздо более серьезные препятствия для утверждения правды состоят в принятии желаемого за действительное, пристрастии к мифам и подсознательном страхе перед тем, что наши столь привычные и, казалось бы, устоявшиеся верования сочтут ошибочными в свете вновь открывшихся фактов.

Это проблема, с которой приходится сталкиваться всем исследователям современной истории. Они должны решать, преследует ли оценка данного события установление фактической правды, или она представляет собой попытку пощадить чувства, подогреть амбиции отдельных лиц, классов и народов. Это отнюдь не легко, когда историк имеет дело с такими вопросами, как, например, «ответственность за вой-

ну» или эксплуатация одного класса другим. Обычно в таких случаях искажение правды концентрируется вокруг деталей, доказать которые с полной очевидностью невозможно.

Революция 1917 года в России подвергалась неосознанному искажению и преднамеренной фальсификации больше, чем какое-либо другое событие новейшей истории. Различные участники революции, которые являются для нас источниками информации о ней, руководствуясь самыми разнообразными мотивами, систематически занимались тем, что скрывали или извращали имевшиеся в их распоряжении факты и документы в целях затуманить подлинную картину революционных событий или внедрить в сознание общества легенды, не имеющие ничего общего с действительностью.

Основной причиной утаивания правды явилась зависимость советских властей и КПСС от определенной концепции революции, без которой их претензии на политическое и государственное руководство оказались бы несостоятельными. Любая попытка оценить события в России 1917 года вразрез с официальной «марксистско-ленинской» версией расценивалась советскими властями как односторонняя и враждебная. Это отчетливо проявилось в деле Пастернака, когда автора «Доктора Живаго» обвинили в «контрреволюционной позиции» лишь за реалистическое воспроизведение по памяти событий того времени. В первые годы существования советского режима, когда еще была свежа память об этих событиях, партия ставила перед историками задачу

извлечь максимум пользы из неблагодарного дела подгонки широко известных фактов под «ленинский» шаблон. С тех пор процесс фальсификации истории принял более изощренный характер. Стали публиковать тщательно подобранные архивные материалы, которые, как полагали, отвечают этой цели[1].

Публикация документов самого Ленина или о нем рассматривается делом слишком важным, чтобы доверять его историкам. На совещании советских историков в 1962 году партийный идеолог академик П.Н. Поспелов заявил:

«Некоторые товарищи… подняли вопрос о том, давать или не давать исследователям свободный доступ ко всем неопубликованным партийным документам и архивам. С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Партийные архивы не являются вотчиной того или иного исследователя и даже Института марксизма-ленинизма… но являются достоянием нашей партии. Только ЦК партии вправе распоряжаться ими. Некоторые важные партийные документы могут

---

[1] См. мою статью о советском историческом источниковедении в «Контемпорэри хистори ин де Совьет миррор» (Лондон, 1964), где я привожу цитаты из «Правил публикации документов советского периода», изданных Главным архивным управлением. Последняя публикация А.Ф. Керенского «Россия в поворотный исторический момент» (1965) не могла быть учтена при работе над этой книгой. Однако в то же время многие архивные материалы, доступные советским исследователям в 1920-х годах, не публиковались, а некоторые из них, весьма возможно, были уничтожены. Нам случилось столкнуться с публичным признанием того, что важные документы стали объектами подтасовки редакторами различных собраний сочинений.

публиковаться только с разрешения ЦК»[2].

Исследование революции в России историками, не подверженными контролю советских властей и компартии, осуждались как продукт широкого заговора «фальсификаторов истории». Настоящую книгу, несомненно, постигнет та же судьба, если, конечно, ее не станут замалчивать как непристойность, не заслуживающую произнесения вслух (книга написана в конце 1960-х. – *Ред.*).

В связи с отсутствием советских источников по важным аспектам революции 1917 года мы обращались к свидетельствам русских эмигрантов и западных наблюдателей. Но и здесь обнаруживается преднамеренное утаивание фактов. Дело не только в том, что авторы этих свидетельств считают неудобным для себя правдивый рассказ о событиях, особенно если у них нет оснований гордиться своим участием в таких событиях. Это лишь человеческая слабость. Задача историков значительно осложняется, когда правда утаивается свидетелями из чувства долга, из потребности выполнить моральные обязательства, которые все еще ценятся в обстоятельствах, отличных от тех, при которых они были взяты на себя. Например, нет сомнений, что широкая сеть конспиративных организаций, создававшаяся, как мы покажем, по образцу масонских лож, работала на революцию в России и играла решающую роль в формировании первого состава Временного правительства. Однако без документальных свиде-

---

[2] Всесоюзное совещание историков, 18–21 декабря 1962 г. (М., 1964. С. 296.)

тельств оценить политические цели и реальное влияние этих организаций невозможно. Два министра Временного правительства – Терещенко и Коновалов, – которые были видными деятелями этого движения и которые затем многие годы проживали в эмиграции, умерли, не оставив печатных мемуаров о своих деяниях до и во время революции. Наиболее значительный здравствующий деятель этой группы, А.Ф. Керенский[3], пока еще не счел возможным прояснить столь важный вопрос. Каковы бы ни были его мотивы, которые, без сомнения, весомы, он полностью отдает себе отчет в важности такого внесения ясности и намерен сделать это в течение предстоящих 30 лет.

Затуманивание того, что случилось в 1917 году, как советскими, так и несоветскими свидетелями осложняется уклончивостью германских источников. Революция произошла в России в момент, когда Первая мировая война стремительно продвигалась к своей кульминации. Влияние революции на ход военных событий было огромным. Тем не менее в течение десятилетий все стороны воздерживались от оценки роли Германии в провоцировании революционных беспорядков в России. Попытка в 1921 году видного немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна приподнять завесу над этой проблемой встретила официальное опровержение. Соратники по партии оказали давление на Бернштейна с целью принудить его не наставать на своем. Опровержение

---

[3] Умер в 1970 г. (*Примеч. пер.*)

абсолютно беспочвенно. Из документов германского министерства иностранных дел сейчас выясняется, что «политика революционизирования» составляла существенную часть большой стратегии Германии в Первой мировой войне. К сожалению, эти документы не проливают свет на деятельность всех германских учреждений, вовлеченных в осуществление этой стратегии. И опять же многие свидетели хранят молчание, как будто государство, секреты которого они обязались не раскрывать, продолжает существовать.

Мемуары таких германских деятелей, как Кульман и Надолный, которые играли ведущую роль в определении политики своей страны по отношению к России в годы Первой мировой войны, разочаровывают. Особенно в связи с тем, что из архивов германского МИДа известно, насколько глубоко они были вовлечены в эту деятельность. До чего могло дойти утаивание правды, показывает далее одна история, которая недавно получила огласку. Оказывается, Курт Ринлер, ключевая фигура в русско-германских отношениях, вел в период 1914–1917 годов подробный дневник. Судя по статье в немецком иллюстрированном журнале «Шпигель» (ноябрь 1964 года), Курт Ринлер намеревался опубликовать свой дневник по окончании Второй мировой войны, однако его отговорил знаменитый немецкий историк профессор Ротфелс, у которого были основания полагать, что публикация дневника несвоевременна. Этот дневник чуть было не уничтожили после смерти Курта Ринлера, сейчас же

его показали какому-то немецкому историку, до сих пор не приведшему из этих дневниковых записей ни одной ссылки на «политику революционизирования», с которой так тесно был связан Курт Ринлер.

Именно этот заговор молчания побудил автора настоящей книги предпринять тщательное изучение не исследованных до сих пор аспектов русской революции. Он надеется пролить немного света на ряд запутанных вопросов и показать, как осторожно следует относиться ко многим устоявшимся и документированным для правдоподобия мифам, которые, к сожалению, сопровождают «объективное» написание истории.

Книга делится на три части. В пяти главах первой части идет речь о некоторых особенностях предреволюционной политической обстановки и закладывается основа для понимания хронологии событий во второй и третьей частях. Первая глава посвящена либералам, их политике и организациям, существовавшим в годы Первой мировой войны. Во второй главе дается краткое описание социалистических и революционных партий, действовавших в России в течение того же периода. Третья глава касается главным образом армии.

Последние две главы первой части несколько иного характера. Четвертая глава посвящена еврейскому вопросу. Евреи связаны с Февральской революцией теснее, чем любое другое национальное меньшинство империи. Я останавливаюсь

на этом вопросе не потому, что евреи сыграли некую выдающуюся роль в осуществлении революции, но потому, что падение царизма в России, как полагали, ознаменует новую счастливую эру в их жизни. Восприятие революции как «великого дела освобождения» сохранялось в сердцах многих российских и зарубежных евреев даже тогда, когда надежды и ожидания, рожденные революцией, в полной мере не оправдались.

Пятой главе, где затрагивается вмешательство Германии, автор придает большое значение, поскольку полагает, что совершает в ней прорыв. В связи с тем, что деятельность различных заинтересованных германских учреждений может быть понята только в свете конечной реализации их усилий, в свете прихода к власти большевиков, автор перешагнул в данном случае хронологические рамки и повел разговор о событиях, последовавших за Февралем почти до Октября 1917 года.

Четыре главы второй части затрагивают определенные аспекты истории России в период Первой мировой войны, которые, по мнению автора, исключительно важны для понимания Февральской революции. Эта часть не претендует на изложение истории участия России в Первой мировой войне. Определенные события выдвигаются в ней на первый план только в связи с тем, что они отражают глубокий кризис российского общества накануне революции. Речь идет о приговоре и о казни на сомнительных с юридической точ-

ки зрения доказательствах жандармского полковника Мясоедова, ставшего козлом отпущения за ошибки военного командования. Далее следует упомянуть возникновение фракций внутри царского правительства, кампанию по распространению слухов, инициаторы которой, видимо, были сами жертвами преднамеренного обмана, веру в то, что заговор и убийство можно использовать в качестве инструментов политического и социального прогресса. Все это способствовало ослаблению государства и его военных усилий, делая Россию, таким образом, легкой добычей сил, заинтересованных в ее гибели.

В третьей части предпринимается попытка дать честную оценку тем событиям, которые произошли между 23 февраля и 4 марта (старого стиля) в России[4]. Освободив эти события от приукрашивания легендами, мы обнаруживаем, что это печальная история взаимного непонимания, вероломства, утраты доверия к власти и стихийных движений народных масс Петрограда и Москвы.

Автор заканчивает свое повествование образованием 3 марта 1917 года Временного правительства. Он обходится без комментариев, просто ограничивается замечанием о нарастании волны революционного энтузиазма и общественного ликования и надеется, что это не сочтут за черствое

[4] Все даты событий в России даются в соответствии с юлианским календарем или так называемым «старым стилем». В XX в. он отстает на тринадцать дней от григорианского календаря, принятого на Западе, а в России – с 14 февраля 1918 г.

равнодушие к судьбе великой державы.

Вступление

Россия, как в период Московского царства, так и в период империи со столицей в Санкт-Петербурге, претерпевала многие драматические перемены без того, чтобы ее самодержавному правлению был нанесен достаточно серьезный ущерб, заслуживающий названия революции. Даже в ходе кризиса, в том числе династического, Смутного времени в начале XVII века самодержавная власть была поддержана и в конечном счете укрепилась за счет традиционного сословно-представительного учреждения – Земского собора. В ходе дворцовых переворотов XVII–XVIII веков политическая власть тем не менее всегда сохранялась в руках самодержца, пусть и пришедшего на смену свергнутому. Когда, бывало, самодержец оказывался слабым, политические решения определялись балансом сил соперничающих при дворе группировок, а претворялись в жизнь через царствующую особу. Но когда монарх мыслил самостоятельно и обладал способностью добиваться своих целей, он (или она, как, например, Екатерина Великая) создавал политическую администрацию и формировал социальную опору самодержавной власти согласно собственным идеям и предпочтениям. Политическая инициатива или оппозиция проявлялись тогда лишь в робком совете, петиции и прошении к верховному правителю либо в открытом мятеже.

Происходившие в течение ряда столетий мятежи делились на два характерных типа, имевших мало общего друг с другом. В одном случае бунтовали близкие к трону группировки, добивавшиеся каких-либо привилегий или защищавших эти привилегии, когда им угрожала политика монарха. Таковыми мятежами следует считать выступления различных аристократических кланов в годы несовершеннолетия Ивана IV Грозного и Петра Великого. Таковыми были дворцовые перевороты XVIII столетия. К ним относятся также жестоко подавленные восстания стрельцов в начале правления Петра Великого. Все эти мятежи происходили главным образом в столице или даже во дворце. Каковым бы ни был немедленный исход этих событий, за ними сразу же следовало восстановление статус-кво, сохранявшее за монархом исключительную прерогативу принятия политических решений.

Мятежи другого типа не имели целью защиту привилегий. Их зачинщиками были люди, которые в существующих социальных условиях нашли для себя выход, бежав в какое-нибудь из свободных казачьих сообществ, которые возникали на окраинах государства, не доступных контролю центрального правительства. В течение XVII–XVIII веков казаки проникали на территорию, контролируемую центральными властями, и обращались к социально близким слоям населения с призывами к восстанию и свержению существующего строя. Такие действия влекли за собой большие потрясения,

когда их возглавляли такие решительные и одаренные люди, как Болотников, Разин и Пугачев. Если бы какое-нибудь из этих бунтов и восстаний завершилось успехом, то его, без сомнения, можно было бы назвать революцией. Однако это были все же в основном периферийные движения. Силы восставших, вырастая по мере продвижения к столице подобно снежному кому за счет присоединения недовольных режимом людей, всегда терпели поражение благодаря решительным и хорошо организованным контрмерам правительства. Однако главная причина поражения таких восстаний коренилась в том, что большинство населения, жившего под защитой царя, олицетворявшего Русское государство, предпочитало реальную безопасность (пусть и обеспечивавшуюся налоговым и иным гнетом) неопределенным перспективам бандитского правления.

В преддверии XIX века появился новый фактор, сделавший возможным после многих неудач установление связи между антиправительственной агитацией привилегированных элементов и бунтарством обездоленных; он состоял в пробудившемся социальном сознании среди представителей высших классов. Первым несомненным проявлением действия этого фактора стал выход знаменитой книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Она появилась в 1790 году и тут же (как и автор) подверглась осуждению лично Екатериной II. С этого времени политическое недовольство представителей высших классов больше не опреде-

лялось исключительно их сословными интересами, но также тем, что они считали интересами народа. Контраст между тем заговором, что повлек за собой убийство Павла I в 1801 году, и тем, что привел к восстанию декабристов 1825 года, иллюстрирует кардинальную перемену в характере политического недовольства высших классов. В первом случае имел место заговор гвардейских офицеров в основном в целях защиты привилегий, дарованных дворянству Екатериной и поставленных под угрозу Павлом I. Во втором случае налицо движение представителей той же самой социальной группы, которую на этот раз побуждала к действию идея служения народу (а также идеи, выработанные в масонских ложах. – *Ред.*). С этого времени начались трагические поиски высокопоставленными радикалами и революционерами контакта с потенциально неисчерпаемой взрывной энергией народного недовольства, которое они готовились направлять и из которого они надеялись почерпнуть силы для осуществления революции. Эти поиски составляют основное содержание истории революционного движения XIX века в России. Петрашевцы (1845–1849 годы), нигилисты, народники и их радикальные террористические ответвления, аристократ и революционер-анархист Бакунин занялись поисками средств обеспечения эффективного политического взаимопонимания с теми, чьи жизненно важные, прежде всего материальные, потребности была призвана удовлетворить революция. Однако достигнуть такого взаимопонимания было

нелегко, и в его отсутствии главная причина неудач революционного движения XIX века в России. В этот период, конечно, не было недостатка в крестьянских бунтах и волнениях в войсках, но усиление правительственного контроля и более эффективное поддержание порядка в отдаленных регионах империи предотвратили достижение этими волнениями масштабов Пугачевского восстания. На подобные спонтанные восстания обездоленных сословий тем не менее еще не повлияли политические теории и организации революционной интеллигенции. А в нее входили представители высших классов, которые стали на путь революции, и разночинцы из нижних слоев общества, которые посредством образования и государственной службы достигли уровня, когда их политические устремления диктовались скорее идеологией, чем социальными потребностями. Казалось, революции оставалось ожидать появления «Пугачева с университетским образованием», но когда Пугачевы получили университетское образование, это либо ослабило их революционное рвение, либо оттолкнуло их от грубых страстей «черни», которая скорее надеялась на улучшение своего материального положения, нежели на установление всеобщей справедливости. И вот когда революция наконец разразилась, ее возглавил не человек из народа, но представитель мелкопоместного дворянства (Ульянов-Ленин), поднаторевший на изучении революционной идеологии марксизма и, кроме того, знавший, как извлечь выгоду из затаенных страстей народного восста-

ния, даже не предаваясь им. К этому времени, однако, установились прочные связи между обоими полюсами революционного движения: организованные промышленные рабочие, часть вооруженных сил (особенно флота) и интеллигенция национальных меньшинств периферии империи, таких как евреи и грузины, стали главными посредниками между идеологами революции и недовольными массами.

Диапазон этих контактов впервые раскрылся в ходе революции 1905 года. Петербургский Совет рабочих депутатов во главе с юристом (адвокатом) Хрусталевым-Носарём (в 1919 году расстрелян красными. – *Ред.*) и после его ареста Троцким (Бронштейном) (революционером с 17 лет – сначала увлекся народничеством, затем марксизмом, поэтому ничего, кроме реального училища, не заканчивал. – *Ред.*) смог учредить нечто вроде революционного органа власти, который пытался конкурировать с правительственной бюрократией. Пример Советов (первый Совет возник еще в мае 1905 года в Иваново-Вознесенске. – *Ред.*) распространился на всю Россию в губерниях и вооруженных силах. Мятеж на крейсере «Очаков» возглавил молодой морской офицер, лейтенант Шмидт. Почти во всех этих случаях именно революционная интеллигенция впервые доказывала свою способность возбуждать и направлять народный гнев. Со своей же стороны, массы уже ориентировались на руководство интеллигенции и усматривали в революционной идеологии выражение собственных неосознанных социальных и экономи-

ческих обид и чаяний. Также впервые провинциальные восстания каким-то образом координировались с событиями в столице, а забастовки на железных дорогах, приводившие к дезорганизации жизни в стране, способствовали дальнейшей консолидации революционных сил. Эта возросшая сила сцепления между двумя факторами революционного движения перевела в практическую плоскость задачу осуществления социальной революции.

Внимательному наблюдателю события 1905 года в России впервые продемонстрировали хрупкость существующей политической и социальной системы. Русская литература (особенно поэзия), всегда первой отражавшая народные настроения, откликнулась на события сеянием мрачных эсхатологических предчувствий и созданием символических образов революционных идей.

Толчки, сотрясавшие самодержавие в эти революционные месяцы, были настолько мощными, а всеобщее ожидание перемен – настолько напряженным, что приходится удивляться тому, как быстро жизнь вернулась в нормальное русло. Еще более поражало ослабление революционных настроений в последующее десятилетие. Фактически революционные тенденции были отодвинуты на задний план появлением на российской политической арене традиционного либерализма, который до этого времени развивался как идеология с ограниченным политическим влиянием или вовсе отсутствием его.

Просыпающееся социальное сознание, побуждавшее часть инакомыслящих из высших сословий искать союза с выразителями недовольства основной массы народа, подталкивало другую часть таких инакомыслящих к поискам реформ в рамках существующего строя. Либеральная традиция, расцветшая в период социальных реформ 1861–1864 годов, была представлена как в сановной бюрократии (в виде советников сменявших друг друга самодержцев – Александра II, Александра III, Николая II), так и в интеллигенции. Либеральных интеллектуалов, обычно уклонявшихся от государственной службы, власти недолюбливали и часто преследовали как союзников революционеров. Присутствие либералов в обоих оппозиционных лагерях еще больше затемняет картину политического развития России в XIX–XX веках. Либералы в то время, когда они еще не сотрудничали с режимом, составляли с радикалами одну группу, называвшуюся «интеллигенцией», и, как ложно полагают, двигались в направлении принятия революционной позиции через разные этапы политического радикализма. С другой стороны, спорадические усилия власти осуществить прогрессивные политические и социальные мероприятия все еще часто расцениваются как реакционные и ретроградные в зародыше. Требуется проницательный анализ такого историка и адвоката, как В. Леонтович[5], чтобы указать на живучесть

---

[5] *Леонтович* В. История либерализма в России (1752–1914). М.: Русский путь, 1995.

либеральных тенденций в развитии самого Российского государства, а также провести различие между «либералами» и «радикалами» внутри интеллигенции.

Размах и близость к успеху революционного движения 1905 года стали более стимулом для либеральных сил, чем для революционеров. Конституция, дарованная, хотя и неохотно, царем в 1905 году, легализовала деятельность определенных партий. Более того, революционное насилие насторожило либералов и заставило их осознать разницу между ними самими и революционными радикалами. Определенное число известных интеллектуалов, тесно связанных с революционерами на рубеже двух столетий, порвало с ними и выступило с идеологическим манифестом[6]. Хотя между этими интеллектуалами и властями не наладилось никакого сотрудничества, опасность, вскрытая событиями 1905 года, придала еще большую силу – даже в глазах последовательных сторонников самодержавия – аргументам либералов. Власти пришли наконец к пониманию необходимости планирования и регулирования процесса социального развития. Поскольку революционерам-интеллектуалам помогало установление контактов с разрушительными общественными силами, либералы и даже консерваторы стали, в свою очередь, добиваться поддержки масс в борьбе против революционного движения. Эти тенденции объясняют ряд осо-

---

[6] См. статью Леонарда Шапиро в «Славянском и Восточно-Европейском обозрении», 1955 г.

бенностей политической жизни России в начале XX века. В рамках элементарной политической работы вновь осознанная потребность в народной поддержке побудила власти поддерживать «реагирование снизу» в виде создания «патриотических союзов», таких как Союз русского народа (21 ноября 2005 года в Москве состоялся съезд возрожденного Союза русского народа, председатель Высшего совета – народный художник России, скульптор В.М. Клыков. – *Ред.*), затем Союз Михаила Архангела и др., активно противодействовавших революционерам. Надежда на то, что крестьянство поддержит существующий режим благодаря исконному монархизму этого социального слоя, побудила власти распространить избирательное право, хотя и весьма урезанное, и на крестьян. Его, однако, снова урезали, когда результаты выборов в 1-ю и 2-ю Государственные думы не оправдали правительственных ожиданий. Наконец на уровне политического планирования потребность создать для режима более широкую социальную опору вызвала реформы, связанные с именем Столыпина.

Огромная масса русских крестьян, которые пахали землю, выделенную им ее общим владельцем, деревенской общиной (миром), наконец должны были стать наследственными собственниками самостоятельных хозяйств. Эта реформа встретила сопротивление как реакционеров, так и левых. Последние печалились по поводу угрозы исчезновения архаичной русской земельной общины, дескать, это станет уда-

ром по самобытной русской форме социализма.

Крестьянская реформа Столыпина совпала с очередным ускорением экономического и промышленного роста, который (вместе с подъемом конца XIX века) носил все признаки начальной стадии индустриализации страны. Так получилось, что государственная политика планирования и экономическое развитие страны создали условия, неблагоприятные для дальнейшего развития революционного движения в России. То, что сохранилось от времен революционного подъема 1905–1907 годов, уже легко контролировалось посредством государственной полицейской службы и жестких мер подавления, к которым без колебаний прибегали Столыпин и его последователи в случае открытых выступлений и террора. Правое крыло социал-демократии стремилось уйти от революционной деятельности и сосредоточиться на организационной работе среди рабочих, ведении пропагандистской и просветительской деятельности в массах и осуществлении своих требований через своих представителей в Думе. Партия эсеров не прекращала своей террористической деятельности до тех пор, пока в 1908 году не разоблачили двойного агента Азефа, дававшего террористам наводки. Однако терроризм подрывал организационные возможности партии и отталкивал от нее массы, которые никогда не понимали цели политического террора. Большевистское крыло РСДРП, ведущие деятели которого находились в эмиграции, уступило многих своих сторонников среди рабочих «ликвидато-

рам» (правооппортунистическим группировкам меньшевиков и им подобным). В глазах других революционеров большевики скомпрометировали себя причастностью к ограблениям банков (так называемым «экспроприациям»).

В 4-й Думе представителей большевиков возглавлял – и предал их – полицейский агент (с 1910 года) Роман Малиновский (в 1918 году расстрелян большевиками. – *Ред.*).

Оказалось, таким образом, что за десятилетие с 1905 по 1915 год, которому историки уделяют, к сожалению, мало внимания, даже сильно деформированное сознание интеллигенции смогло найти выход в сфере деятельности, отличавшейся от революционной борьбы. В то же время подспудное недовольство низших классов, не нашедшее выхода в XIX столетии, ослаблялось благодаря возросшей социальной мобильности и появлению надежд на улучшение жизни крестьян и промышленных рабочих.

В начале Первой мировой войны Ульянов-Ленин отчетливо осознавал революционный спад, хотя это его не обескураживало. Даже все возраставшие тяготы войны, случаи дезорганизации жизни, забастовок и недовольства, неизбежно сопутствующих военному времени, не могли убедить Ленина в неизбежности революции в России в 1917 году. В лекции, прочитанной в Цюрихе в январе этого года, Ленин предположил, что революция может произойти, когда представителей его поколения уже не останется в живых. Это обстоятельство, а также изначальная реакция Ленина на первые сооб-

щения о Февральской революции, показывает, что для него явились полной неожиданностью как характер, так и время революции.

Но не один Ленин был захвачен врасплох событиями февраля-марта 1917 года в Петрограде. Один из главных их участников[7] через пять лет писал:

«Революция явилась неожиданностью для нас – партийцев того времени – погруженных в глубокий сон подобно неразумным девам из Евангелия. Теперь, через пять лет, кажется невероятным, что мы оказались неспособными осознать дальнейшее нарастание февральской волны (не говоря уже о предстоящей буре). Слишком многие из нас проводили при царском режиме годы, готовясь напряженно и страстно в подполье к таким дням, когда же, наконец, они наступили – пришла долгожданная и горячо желаемая революция, – мы не знали, что делать».

Ту же самую неспособность уловить особенности новой ситуации обнаружили и правящие круги. Официальный историограф двора генерал Дубенский, прибывший вместе с царем в Могилев из Царского Села, сделал такую запись, помеченную 24 февраля:

---

[7] *Мстиславский-Масловский С.* Пять дней. М., 1922. Мстиславский входил в партию эсеров (а также был членом военной масонской ложи в 1907–1909 годах. – *Ред.*), члены которой участвовали в уличных боях 1905 г., и составил пособие по уличным боям. Во время войны он служил библиотекарем в библиотеке Академии Генштаба в Петрограде. В февральские дни он возглавлял военную комиссию исполкома Петроградского Совета.

«Здесь началась спокойная жизнь. Все останется, как было. Со стороны царя ничего ожидать не следует. Только случайные, внешние причины могут вызвать какую-нибудь перемену. В Петрограде имели место «хлебные бунты», рабочие патронного завода вышли на Литейный проспект и двинулись по Невскому проспекту, где были рассеяны казаками»[8].

По единодушному признанию почти всех мемуаристов, они осознали, что революция началась, через продолжительное время после того, как она уже находилась в полном разгаре. Возможно, офицеры секретной полиции в Петрограде были ближе всех к реалистической оценке того, что должно произойти: в течение февраля начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев неоднократно упоминал в своих докладах неизбежность крупномасштабных беспорядков в столице. Но он считал, что эти взрывы недовольства скорее приведут к погромам евреев или немцев со стороны националистически настроенных монархистов, чем к социальной революции.

Одна из причин, почему революция осталась незамеченной, состоит в том, что во всей обширной империи нигде, кроме столицы, не было зарегистрировано никаких крупных беспорядков. Как мы убедимся в дальнейшем, положение

---

[8] Цит. по: *Блок* А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1921–1937. Далее обозначается аббревиатурой АРР. Т. IV. С. 231 и следующие страницы.

на фронте также выглядело довольно стабильным. В отличие от тревожных (апрель – сентябрь) месяцев отступления 1915 года оно не вызывало недоверия к военному командованию. В обеих столицах наблюдалось усиление нервозности, но, главным образом, среди публики, читающей газеты, которая составляла весьма небольшую часть населения. Беспокойство вызывало также бесцеремонное обращение полиции с представителями профсоюзов в Военно-промышленных комитетах. Но, казалось, ничто не указывало на то, что брожение, вызвавшее нервную и нестабильную обстановку в столицах, распространится на другие районы страны, и менее всего на армию[9]. Тем не менее случилось именно это, и реакция страны на февральские события в Петрограде была столь же единодушной, какой бы она стала и в том случае, если бы ее заранее организовали и отрепетировали. Это единодушие, практически полное отсутствие сопротивления, безоговорочное принятие перемен, которые еще несколько дней назад никто не предполагал, казались современникам мистикой и способствовали приобретению революцией почетного названия, которое она не совсем заслуживала: «Великой бескровной революции России». Такое единодушие в последующем революционном развитии в России больше не повторялось.

---

[9] Исключение составлял Балтийский флот, где политическое напряжение ощущалось задолго до революции.

Часть первая

Глава 1
ДУМА И САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Происхождение самодеятельных организаций[10]

Когда разразилась Первая мировая война, длительный конституционный кризис в результате уступок самодержавия осенью 1905 года и попыток отказаться от них в 1907 году[11] еще не был разрешен. 4-я Дума (ноябрь 1912 – 25

---

[10] Самодеятельные организации известны в России как «общественные» организации. Первоначально они формировались для помощи властям в уходе за ранеными и больными солдатами и беженцами, а впоследствии занялись разнообразной деятельностью, связанной со снабжением войск. Их представляли земский союз (местных сельских властей), городской союз, а с лета 1915 г. – местные и Центральный военно-промышленный комитеты (далее обозначаются аббревиатурой ВПК).

[11] Речь идет о действиях Столыпина в июне 1907 г., когда была распущена 2-я Дума и провозглашен новый закон о выборах. Он ограничивал избирательное право в нарушение Конституции империи 1906 г.

февраля 1917 года), избранная в сентябре – октябре 1912 года, располагала большинством, которое выражало готовность сотрудничать с властями в осуществлении законодательных мер. Однако либеральная оппозиция не могла примириться с тем, что парламент, наделенный контрольными функциями и инициативой в законотворчестве, лишен влияния на исполнительную власть. Дума не контролировала в достаточной степени действия правительства и не играла никакой роли в назначении министров.

Сам Совет министров не был кабинетом в понятии, принятом в парламентской системе. Отдельные министры, назначавшиеся непосредственно монархом и ответственные только перед ним, пользовались самостоятельностью как главы соответствующих департаментов. Они не отчитывались ни перед председателем Совета министров, ни перед самим кабинетом. Последний выступал лишь как координационный комитет – отнюдь не государственный орган, исполняющий политическую программу, по которой министры достигли согласия. В ходе любого заседания министры могли обнаружить, и часто так и происходило, что одного из их коллег монарх отправил в отставку и заменил другим.

С созыва 1-й Думы либеральные партии решительно выступали против заведенного порядка и использовали любую возможность потребовать подотчетности исполнительной власти парламенту. Эти требования озвучивались прежде всего конституционно-демократической партией, так назы-

ваемыми кадетами, непререкаемым лидером которых был П.Н. Милюков. В 4-й Думе кадеты находились в оппозиции к правому большинству, включавшему умеренных правых и партию октябристов («Союз 17 октября»). Октябристы во главе с членом Государственного совета (то есть верхней палаты) А.И. Гучковым представляли главным образом имущие классы. Они не возражали против прогрессивных конституционных реформ в отдаленной перспективе, но выступали за то, чтобы прежде дать возможность испытать на практике урезанную конституцию. Они демонстрировали готовность сотрудничать с правительством в сфере законотворчества и извлекать максимум пользы из своего права выступать с запросами к министрам по поводу текущей деятельности правительства. Последнее же могло отвечать на такие запросы или игнорировать их по собственному усмотрению.

С началом войны произошли значительные перемены в политической значимости отдельных политиков и учреждений, однако не произошло главного – не были решены принципиальные противоречия политической системы, сложившейся после октября 1905 года. Поддержка Думой 26 июля 1914 года решения правительства вести войну создала ложное впечатление национального единства. Многочисленные стихийные демонстрации в поддержку царя в обеих столицах и провинции, казалось, ознаменовали прекращение внутриполитической борьбы. Проголосовав за необходимые воен-

ные кредиты почти единодушно[12], Дума объявила перерыв в работе и не собиралась, за исключением нескольких дней в январе 1915 года, до важной летней сессии 1915 года.

Как чисто законодательный орган, Дума могла мало что сделать в то время. Долговременные программы разработки и принятия законов были отложены на время войны, согласно закону о военном положении, необходимые постановления военного времени издавались соответствующими департаментами правительства. Можно было ожидать, что правительство воспользуется политическим перемирием для упрочения своей власти, но оно на это не пошло. Поэтому думские либералы предложили правительству 26 июля 1914 года не свободу от парламентского контроля, но свое честное и активное содействие военным усилиям. Сама Дума не выработала механизм для такого сотрудничества, но существовали органы местного самоуправления – земства и городская администрация, – через которые либералы могли работать, часто конкурируя с чиновниками.

Земства представляли собой выборные органы местного самоуправления, учрежденные земской реформой в 1864 году; депутаты земств («гласные») избирались по трем куриям – уездных землевладельцев, владельцев недвижимости в городах, представителей сельских обществ. С тех пор либералы стали считать эти органы семенами, из которых должна

---

[12] Социал-демократические депутаты за кредиты не голосовали, но, поскольку они в знак протеста покинули зал заседаний, их голосование и не предполагалось.

вырасти представительная власть в общенациональном масштабе. Требование установления в стране парламентского правления часто облекалось во второй половине XIX века в такие выражения, как «завершить реформы, которые дали России земства» или «завершить реформы периода правления Александра Второго». Из земств и близких к ним учреждений формировались в отрезок времени, предшествовавший учреждению Думы в 1906 году, такие узаконенные партии, как кадетская и октябристская. Влияние земств на политическую жизнь в России усилилось в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов, в частности благодаря помощи, которую они оказывали Красному Кресту в уходе за ранеными солдатами, эвакуированными с фронта. Опыт Русско-японской войны послужил образцом для новых попыток земств (Всероссийский земский союз) и городских администраций (Всероссийский союз городов) добиться руководящей роли в политической жизни страны во время Первой мировой войны (в 1915 году, объединившись, создали объединенный комитет – Земгор). И поскольку в этот раз размах работы земств, средства, которыми они располагали, и важность их деятельности значительно превышали то, что было в 1904–1905 годах, то соответственно выросли их амбиции.

Представители местных властей и бюрократии Санкт-Петербурга (с 1914 года Петрограда) вспоминают о сотрудничестве 1904–1905 годов без особого удовлетворения. И все же, когда разразилась Первая мировая война, центральное

правительство не могло не взывать к доброй воле местных властей, а земства и городские учреждения не могли не ответить на эти призывы с энтузиазмом. Хотя в России в это время порядок обеспечивался строгими мерами, местные власти пользовались довольно значительной свободой действий. У центрального правительства просто не было достаточных средств для того, чтобы быстро мобилизовать обширные ресурсы страны, оценить которые оно не всегда было в состоянии.

Мобилизация огромного числа новобранцев и резервистов (в начале войны 5,4 миллиона, а всего за войну 15,8 миллиона. – *Ред.*), значительные потери в живой силе, понесенные уже в первые несколько месяцев войны, легли непосильным бременем для руководства медицинской и снабженческой служб армии. Вот почему организация госпиталей и снабжение войск стали первоочередными задачами в деятельности городских учреждений и земств.

В этой сфере они состязались не только с властями и обществом Красного Креста, но также с частными благотворителями. Разумеется, правительство предпочитало бы, чтобы городские учреждения и земства не выходили за статус частных благотворительных обществ, но это вовсе не означало, что органы местной власти воспринимали свои военные усилия именно таким образом. Такой статус и не был совместим с возраставшим размахом их деятельности в национальном масштабе.

Помимо разного рода деятельности в области медицинского обеспечения и тылового снабжения войск, самодеятельные организации – под которыми мы теперь будем подразумевать земства и городские администрации – столкнулись вскоре с непредвиденными проблемами, созданными наплывом беженцев и эвакуируемых граждан с территории, оккупированной противником или расположенной у линии фронта. Обеспечение этих людей жильем и пищей не было единственной задачей. Вскоре самодеятельные организации распространили свои функции на юридическую помощь беженцам и семьям военнослужащих. Они помогали им добиваться материальной помощи, пенсий, компенсаций за понесенные потери. Они сотрудничали с частными организациями, особенно с различными комиссиями по поддержке еврейского населения, выселенного, зачастую насильственно, из-за «черты оседлости» (из прифронтовой полосы).

Стало очевидным очень быстро, что обе самодеятельные организации выступают главными закупщиками ряда товаров, необходимых для снабжения армии. Это влекло их к дальнейшим шагам по организации собственного производства большого числа товаров. К 1916 году число заводов и мастерских, контролировавшихся Земгором – объединенным комитетом Всероссийских земского союза и союза городов, работавших на снабжение армии, превысило две тысячи.

Именно для того, чтобы справиться со всеми этими за-

дачами на общенациональном уровне, земства и городские власти, возвращаясь к практике, которую освоили в период Русско-японской войны 1904–1905 годов, сформировали Общероссийские союзы. Это были исключительно добровольные ассоциации земств и властей отдельных городов и провинций, которые объединились для работы под руководством головных учреждений в Москве по единому плану. Эти союзы возникли как бы спонтанно: для этого не потребовалось ни приказов, ни санкций правительства. Постепенно, однако, они получали официальное признание. Когда императорским указом от августа 1914 года были учреждены специальные советы – Особые совещания, в них включались представители самодеятельных организаций [13].

Таким образом, Общероссийские земские и городские союзы стали мощными факторами в жизни России, задействовавшими тысячи людей, огромные суммы денег и влиявшими на частную и общественную жизнь десятков миллионов подданных Российской империи (население империи в 1914 году достигло 180,6 миллиона человек. – *Ред.*). Тем не менее ни земства, ни городские власти не располагали необходимыми финансовыми средствами для работы такого масштаба. С самого своего возникновения они полагались главным образом на правительственные субсидии. Первоначаль-

---

[13] Доводы в пользу предоставления конституционного статуса городским и земским союзам выдвигались как в либеральной прессе, так и в специальных изданиях их объединенных комитетов по снабжению армии.

но контроль над расходами по этой деятельности посредством бухгалтерского и аудиторского учета возлагался на сами самодеятельные организации. Позднее, когда отношения с правительством окончательно испортились и началась кампания взаимных нападок, центральная власть и самодеятельные организации обвиняли друг друга во взяточничестве и хищениях. Были учреждены специальные комиссии по контролю за государственными средствами, выделенными этим организациям, и это, как мы увидим, привело к дальнейшим трениям.

В мае 1915 года образовалась третья всероссийская самодеятельная организация, ставшая не менее мощным политическим фактором, чем две предыдущие. В апреле – мае 1915 года страну взбудоражили вести о нехватке на фронтах оружия и, особенно, боеприпасов. Посыпались обвинения, что правительство не предприняло достаточных мер для использования имеющихся в России ресурсов в целях производства военного снаряжения. 26 мая 1915 года в Петрограде созвали конференцию различных ассоциаций промышленников. На ней московский промышленник П.П. Рябушинский произнес громоподобную речь, в которой поделился своими впечатлениями от посещения на фронте армейских подразделений, и потребовал, чтобы сами промышленники наладили производство оружия и боеприпасов. Конференция приняла резолюцию о создании в каждой провинции военно-промышленных комитетов и формировании Централь-

ного военно-промышленного комитета в целях координации деятельности провинциальных филиалов.

Центральный военно-промышленный комитет (в дальнейшем ЦВПК) был призван вести учет потребностей вооруженных сил, устанавливать приоритеты и распределять заказы среди провинциальных ВПК. В свою очередь, провинциальные комитеты передавали эти заказы заводам и принимали меры для обеспечения их сырьем и рабочей силой. Когда формирование ВПК завершилось, в Петрограде созвали конференцию, избравшую председателем ЦВПК А.И. Гучкова, а его заместителем – московского промышленника А.И. Коновалова.

Гучков приложил энергичные усилия, чтобы добиться официального признания вновь образовавшихся ВПК. С помощью своего личного друга, генерала А.А. Поливанова, ставшего в июне 1915 года военным министром, он получил от правительства одобрение статуса новой организации. Гучков даже принимал участие в одном из заседаний Совета министров по данному вопросу. Новая самодеятельная организация обеспечила себе, подобно другим организациям, представительство в правлениях различных Особых совещаний по обороне.

2. Самодеятельные организации и политические партии

Три самодеятельные организации – земский и городской союзы, а также Центральный военно-промышленный комитет – никогда не сливались в единый орган (хотя земский и городской союзы и объединились с 10 июля 1915 года в Земгор). До этого все три организации существовали отдельно. Они проводили свои собственные совещания, принимали отличающиеся в определенной степени друг от друга политические резолюции, по-разному относились к правительству и Думе. Тем не менее они преследовали одну и ту же цель, утверждая, что правительство не в состоянии выиграть войну и что только самодеятельные организации могут исправить положение. Они призывали к созданию «правительства народного доверия», то есть такого правительства, которое бы всецело сотрудничало с ними и было бы подотчетно в той или иной мере «народу», то есть Государственной думе.

Укреплению их политического единства способствовали, так сказать, «среда обитания» и личные связи. Руководство всех трех организаций сосредоточилось в Москве[14]. С тех пор как древней столице пришлось, по словам Пушкина,

---

[14] ЦВПК находился в Петрограде, но его руководители в основном жили в Москве и поддерживали тесные связи с руководством других организаций.

«кланяться подобно вдовствующей императрице» своей северной сопернице, Москва стала центром оппозиционных настроений в отношении бюрократии Петербурга. В XIX веке эти настроения принимали форму либо славянофильского либерализма, основанного на романтическом представлении об исконно русской социальной справедливости («Русская правда», «Закон русский» и т. д.), либо радикализма западного образца, связанного с либеральными и радикальными традициями Запада. В десятилетие, предшествующее революции, Москва стала центром деятельности конституционных демократов – кадетов. В домах аристократической знати (таких как дома князей Петра и Павла Долгоруких), а также в домах представителей торгово-промышленного капитала (таких как Рябушинский и Коновалов), предпочитавших Москву Петербургу, проходили конференции, собрания и семинары. При помощи профессоров Московского университета вырабатывались программы и политическая тактика либеральных партий. Представители интеллектуальных, промышленных, коммерческих и артистических кругов Москвы всегда гордились свободой от духа бюрократического формализма и придворного низкопоклонства Петербурга.

Даже религиозная жизнь Москвы резко отличалась от той, что вела «Петровская столица». Москва придерживалась своего собственного стиля благочестия, во многом выработанного старообрядческими традициями больших купеческих семей, – традициями, весьма не похожими на атмо-

сферу петербургских соборов, где господствовало великолепие стилей барокко и ампир. К Москве устремлялись надежды русского народа на возрождение религиозной жизни России, связанные со страстным желанием восстановления патриархата и смутными представлениями простых людей о власти духовенства. Точно так же различались в Москве и Петербурге патриотизм и монархизм. Различия в образе жизни и традициях столиц имели своим следствием прогрессирующее отчуждение царя Николая II от своих подданных. Во время официальных церемоний в Москве императрице Александре не без труда давалась адаптация к местным традициям. Она нередко наносила непроизвольные обиды и постепенно прониклась неприязнью к московскому образу жизни. После трагедии на Ходынском поле во время коронации, когда 1400 человек погибли в давке, едва ли не каждому визиту в старую столицу сопутствовал какой-нибудь нелепый неприятный инцидент, вызывавшийся невосприимчивостью императрицы к чувствам и настроениям москвичей. Поэтому руководство самодеятельных организаций и нашло в Москве особенно благоприятную почву для противодействия бюрократическому контролю и власти Петербурга.

Руководители трех организаций не только поддерживали тесные личные связи, но и работали в предыдущие два десятилетия в одних и тех же организациях и союзах. Князь Г.Е. Львов, позднее глава Временного правительства, одновременно занимал пост председателя Всероссийского земско-

го союза, был членом ЦВПК и заместителем председателя Московского ВПК. Московский градоначальник (при Временном правительстве, с 2 марта 1917 года) М.В. Челноков, глава городского союза, был членом ЦК Всероссийского земского союза и заместителем председателя Московского ВПК. Председатель ЦВПК А.И. Гучков работал в начале войны комиссаром Красного Креста при Всероссийском земском союзе. Его заместитель Коновалов уделял много времени работе во Всероссийском союзе городов. Сотрудничество всех трех самодеятельных организаций стало к середине 1915 года настолько тесным, что князь Львов с полным основанием заявляет:

«Центральные комитеты Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов стали ныне единой организацией, а Московский Военно-промышленный комитет работает с ними рука об руку, так что мы не только координируем нашу деятельность, но работаем вместе на принципах паритета взаимного доверия»[15].

Не все руководители самодеятельных организаций принадлежали к одной и той же политической партии. Князь Львов был кадетом, Челноков – тоже, Гучков же был одним из основателей октябристской партии. Коновалов принадлежал к «Прогрессивной партии», занимавшей в полити-

---

[15] Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне Февральской революции / Под редакцией Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. Часть VII, фолиант.

ческом спектре место где-то между октябристами и кадетами. Однако партийные различия, которые еще что-то значили в Думе даже после образования в августе 1915 года коалиции оппозиционных партий под названием «Прогрессивный блок», оказывали незначительное влияние на работу самодеятельных организаций.

Самодеятельные организации отнюдь не добивались осуществления чисто политических целей. Они настаивали, что их требования ответственного правительства или правительства, пользующегося доверием парламента, не являются политическими, но имеют целью осуществление того, что всегда признавалось национальной и исторической необходимостью. Согласно открыто заявляемой самодеятельными организациями позиции, они не могли успешно выполнить возложенные на них задачи без таких конституционных реформ. Поэтому собрания и конференции самодеятельных организаций выражали полную поддержку конституционной реформе, предложенной «Прогрессивным блоком», считая это своим патриотическим долгом.

Последнее особенно важно, поскольку подчеркивало особые отношения самодеятельных организаций с армией. Любое обращение думского большинства к армии за политической поддержкой противоречило бы принципу, согласно которому армия должна оставаться вне политики. Нарушение этого принципа стоило бы политикам утраты сочувствия военных. Однако самодеятельные организации находились в

ином положении. Эффективность и боеспособность армии зависели от их деятельности в большой степени. Это понимали не только армейские генералы на фронте, но и само правительство даже тогда, когда отношения между самодеятельными организациями и официальными властями страны в Петрограде переживали самый худший период.

В письме губернаторам провинций от 1 сентября 1916 года, информирующем их о решении правительства не разрешать проведение конференций земского и городского союзов, последний царский министр внутренних дел Протопопов писал, что меры по предотвращению проведения таких конференций должны носить тактичный характер и не вызывать раздражения со стороны самодеятельных организаций, «потому что они осуществляют в настоящее время необходимую и важную работу в интересах нашей доблестной армии»[16].

Думские партии, вошедшие летом 1915 года в «Прогрессивный блок» в целях добиться конституционной реформы, пользовались всеми выгодами поддержки, которую могли оказывать им самодеятельные организации в осуществлении их политической цели. Тем не менее было бы ошибкой полагать, что самодеятельные организации или, по крайней мере, их руководители считали себя просто инструментами Думы. В определенном смысле их позиция была сильнее думской. Думу связывали парламентские процедуры, ее

---

[16] См.: *Граве.* С. 154.

заседания носили публичный характер, в то время как самодеятельные организации были свободны от подобных ограничений. Иногда они проводили приватные встречи и в своей критике правительства шли дальше оппозиционных партий Думы. Именно в московских комитетах самодеятельных организаций – не в думских партиях – разрабатывались в 1916 году заговоры и планы дворцового переворота.

3. Патриотизм и революция

Лидеры Думы, за исключением тех из них, которые принадлежали к революционным фракциям, то есть левым социалистам, социал-демократам и «трудовикам»[17], никогда не склонялись полностью на сторону революционного дела. Они часто тормозили политическую активность московских комитетов самодеятельных организаций. Так, член Государственного совета В.И. Гурко в своих мемуарах пишет, что князь Львов и Челноков присутствовали в январе 1917 года на сессии «Прогрессивного блока» и выразили мнение, что Россия при существующем режиме не добьется победы и что спасение страны – в революции. Их заявления были встречены подчеркнуто враждебно: члены «Прогрессивного блока» Петрограда «откровенно указали, что признание необходи-

[17] Фракция, состоявшая из всякого рода немарксистских социалистов, таких как депутаты-крестьяне, народники, в июне 1917 г. слилась с народными социалистами.

мости революции в ходе войны равносильно предательству своей собственной страны»[18].

Среди либералов лидер думских кадетов П.Н. Милюков наиболее активно противодействовал революционным тенденциям. В ходе всей войны вплоть до Февральской революции Милюков постоянно выступал, внутри или вне Думы, против любого предложения, направленного на смену режима путем революционных и антиконституционных действий, хотя сам страстно желал этой смены. Он поступал так из опасения того, что революция в условиях войны могла привести к анархии и поглотить парламентские учреждения, с которыми были связаны его надежды на собственную политическую карьеру, на укрепление влияния его партии и торжество либерального дела. Его часто критиковали за такую позицию как в парламентской фракции кадетов, так и на митингах и конференциях вне Думы, когда обсуждалась тактика кадетской партии. О позиции Милюкова можно судить по его воспоминаниям о неудавшейся революционной акции – так называемом Выборгском воззвании, принятом по инициативе кадетов в 1906 году после роспуска 1-й Думы[19]. Еще больше

---

[18] *Гурко В.И.* Черты и лица прошлого / Под ред. Стерлинга, Юдина и Фишера. Станфордский университет прессы, 1939. С. 582.

[19] Депутаты 1-й Думы собрались в Выборге после роспуска законодательного собрания 9 июля 1906 г. и 10 июля выпустили воззвание, призвав россиян отказаться платить налоги и поставлять новобранцев в армию. Воззвание не возымело действия, а 169 депутатов, поставивших под ним свои подписи, подверглись судебному разбирательству, небольшим (3 месяца) срокам заключения, были ли-

он опасался анархии в России, страшного, по словам Пушкина, «бессмысленного и беспощадного русского бунта». Эти слова русского поэта Милюков цитировал в выступлении перед коллегами по партии в конце июня 1916 года в качестве предупреждений.

Но позицию Милюкова определяли не только негативные соображения. Короткий период «национального единства», начавшийся с заседания Думы 26 июля 1914 года, дал Милюкову возможность сблизить позиции с думскими фракциями правого от кадетов фланга и выработать с ними общую программу, которая оставляла надежду, что ее поддержат либералы из Совета министров. В период 1914–1915 годов велись переговоры с целью формирования такой коалиции парламентского большинства, они увенчались соглашением, подписанным 25 августа 1915 года представителями ряда думских партий и Госсовета. Эта партийная коалиция известна под названием «Прогрессивный блок». Ее создание явилось выдающимся достижением парламентской деятельности Милюкова.

Программа «Прогрессивного блока» отличалась эклектичностью, нельзя было ожидать, что соглашение окажется достаточно прочным[20]. Ни одна из подписавших документ партий не полагала, что программа будет реализована немед-

---

шены права избираться в Думу.

[20] Текст программы и ее перевод на английский содержатся в «Падении Российской монархии» сэра Бернарда Пэреса (Лондон, 1939. С. 171). См. также наш комментарий к этому документу, помещенный во 2-й части книги.

ленно, особенно в условиях военного времени. Более важной представляется организация «Прогрессивного блока», потому что впервые за время существования 4-й Думы сформировалось думское большинство, имевшее мощную поддержку со стороны либеральных членов Госсовета. Оно намеревалось вести переговоры с властями о формировании «правительства народного доверия».

Поскольку ожидалась определенная либерализация правительства, у Милюкова созрело твердое убеждение, что сотрудничество с правительством в военное время укрепит позиции кадетов в борьбе за конституционную реформу. Позднее, после того как попытка либеральных министров прийти к соглашению с «Прогрессивным блоком» была сорвана в августе – сентябре 1915 года премьером Горемыкиным, Милюков отказался от идеи лояльного взаимодействия со сменявшими друг друга кабинетами Горемыкина, Штюрмера и Трепова. Однако он не уставал предостерегать своих партийных соратников и лидеров самодеятельных организаций против преувеличения возможностей оппозиции и перехода к откровенно революционным действиям. С точки зрения Милюкова, это лишь сделало бы «Прогрессивный блок» уязвимым для обвинений в непримиримости и спровоцировало бы правительство на драконовские реакционные меры. Кроме того, Милюков поддержал решение думской фракции кадетов свести требование правительства, ответственного перед Думой, к более мягкой формулировке: «правитель-

ства, пользующегося доверием народа». 13 марта 1916 года во время политического банкета в Москве Милюкова спросили, каким образом он согласовывает эту формулировку с программой кадетской партии. Ведь в ней содержалось требование установления парламентского правления. Милюков ответил: «Кадет вообще – это одно, кадет в «Прогрессивном блоке» – совсем другое. Как кадет я выступаю за министерство, ответственное перед парламентом, но по тактическим соображениям в качестве первого шага мы теперь выдвигаем формулу «министерства, ответственного перед народом». Дайте нам заполучить такое министерство, и затем силой обстоятельств оно очень скоро трансформируется в действительно ответственное парламентское правительство. Все мы убедимся, что последнее требование сформулировано, как надо»[21].

Милюков был уверен, что после окончания войны царское правительство окажется в безнадежном положении, а победа российского либерализма, то есть кадетской партии, будет полной и окончательной. «Правительство, – заявил он на заседании думской фракции кадетов в феврале 1916 года, – движется к пропасти, и с нашей стороны было бы неразумно открывать преждевременно ему глаза на то, что оно ведет крайне глупую игру». Согласно сводке московского департамента секретной службы, касающейся настроений в столице на февраль 1916 года, Милюков полагал, что с оконча-

---

[21] См.: *Граве.* С. 94.

нием войны правительству потребуются огромные финансовые средства, которые можно было получить лишь посредством иностранных займов[22]. В такой обстановке Дума стала бы чрезвычайно важным органом, который был бы способен нанести решающий удар самодержавию. Без поддержки Думы правительство не смогло бы добыть за рубежом и гроша!

Публичные выступления Милюкова в Думе следует сопоставить с его призывами к сдержанности в приватной обстановке. Даже его речь от 1 ноября 1916 года нельзя считать подстрекательством к восстанию масс. Энергичное осуждение либеральным политиком правительства и устремлений к абсолютной власти самодержавия отнюдь не означали сигнала к выступлению масс, но скорее последний пункт в длинном обвинительном заключении против самодержавного режима. Обличая существующий режим, Милюков надеялся ускорить процесс исторического развития, который, по его убеждению, неизбежно приведет к установлению в России конституционной монархии[23].

Не все члены партии кадетов или лидеры самодеятельных организаций разделяли взгляды Милюкова[24].

---

[22] Там же. С. 75.

[23] Об этом во 2-й части книги.

[24] «Оборонческий» характер обличений Милюковым режима не вполне отражает идеологию кадетов даже в период 1915–1916 гг. Имеются свидетельства того, что наряду и вопреки ощущению призвания произвести конституционные перемены в России для обеспечения победы над внешним врагом среди кадетов наблюдались настроения, которые нельзя охарактеризовать иначе как «патриоти-

Милюкову, человеку сильному и упрямому, поборнику строгой партийной дисциплины, удавалось держать под контролем парламентскую фракцию кадетов, однако на многочисленных партийных конференциях, особенно в Москве, он сталкивался с мощной оппозицией, возглавлявшейся Н.В. Некрасовым и князем Львовым и поддерживавшейся адвокатами Мандельштамом и Маргулисом. Они открыто выступали за проведение революционного курса партией кадетов, которая, как они считали, должна искать контакты с левыми политиками и простыми людьми. Кадеты левой ори-

---

ческое пораженчество», в отличие от «революционного пораженчества» большевиков и некоторых других социалистов. Ощущение того, что поражение в войне внесет оживление в застойную политическую атмосферу в России, было чрезвычайно распространенным. Как еще объяснить, что в 1915 гг. в многочисленных статьях под редакцией профессора истории Московского университета, известного деятеля партии кадетов А.А. Кизеветтера, внутреннее положение в России в ходе Крымской войны 1853–1855 гг. характеризовалось следующим образом:«Война началась, и с ее продолжением гипнотическая сила колосса на глиняных ногах быстро таяла. Казалось, общественное сознание России поразил электрошок. В душах лучших представителей нации громко зазвучал тот истинный патриотизм, которого так боятся властители, оторвавшиеся от народа. Севастопольская трагедия представлялась им искупительной жертвой за пороки прошлого и призывом к возрождению. Искренние патриоты возлагали свои надежды на поражение России от внешнего врага. В августе 1855 года Грановский пишет: «Вести о падении Севастополя заставили меня плакать… Если бы я был достаточно пригоден, я бы присоединился к народному ополчению, и не потому, что желал России победы, а потому, что стремился умереть за нее».Параллель между настроениями, господствовавшими в России в ходе Крымской войны, и теми, что охватили интеллигенцию во время публикации статей Кизеветтера, была очевидна в 1915–1916 гг. каждому читателю (*Кизеветтер А.* Исторические отклики. М., 1916. С. 191 и далее).

ентации, – большинство из которых происходили из Москвы и российских провинций и которые, работая в самодеятельных организациях, знали настроения электората – опасались, что конституционализм Милюкова не отвечает настроениям избирателей и что руководство оппозицией в следующей Думе перейдет от кадетов к социалистам.

Внутренний конфликт в партии конституционных демократов не нашел разрешения вплоть до февраля 1917 года и даже позднее. Милюкову удавалось одерживать верх над своими оппонентами в партии до революции, однако сразу же после нее его внутрипартийная власть ослабла. Милюкова вынудили уйти в отставку из Временного правительства без протестов со стороны представителей кадетской партии. Далее мы увидим, что своей возросшей силой и конечной победой оппозиция Милюкову в рядах кадетов частично обязана влиянию тайных обществ – члены масонских лож России просочились в партию кадетов и конкурировали с ее руководством за влияние на рядовых членов партии.

4. Рабочие группы военно-промышленных комитетов

Характерной и чрезвычайно важной особенностью ВПК являлись так называемые «рабочие группы» при них. Рабочим военных отраслей промышленности было предложено направлять своих делегатов в провинциальные комитеты,

равно как и в Центральный ВПК. Это была новая отправная точка в российских трудовых отношениях, явление весьма сложное в политическом смысле. Фактически рабочие группы действовали при провинциальных комитетах и Центральном ВПК на постоянной основе лишь в Петрограде, Москве и Киеве. Тем не менее роль, которую они сыграли в политическом брожении, предшествовавшем Февральской революции, была огромной, и мы в дальнейшем вернемся к этой теме.

Создание рабочих групп при ВПК задумали и реализовали в 1915–1916 годах в Петрограде и Москве Гучков и Коновалов. В Киеве это сделал М.И. Терещенко. Еще до начала войны текстильный магнат А.И. Коновалов связался с революционными кругами через большевика И.И. Скворцова-Степанова[25]. Он попытался сформировать комитет по обмену политической информацией, в котором были бы представлены все партии и оппозиционные группировки – от октябристов до социал-демократов. Этот комитет координировал бы их деятельность[26].

Дальнейшая попытка координации – на этот раз среди социал-демократов всех оттенков – была предпринята 6 января 1915 года. Созвали совещание, на котором присутство-

---

[25] Об этом часть 2, глава 8.

[26] См. доклад начальника Департамента полиции В.А. Брюн де Сент-Ипполита от 13 мая 1914 г., опубликованный в «Революционном движении военных лет, 1914–1917 гг.» Ив. Меницкого (М., 1925. Т. 1. С. 408 и далее), а также часть 2, глава 8.

вали большевики, включая Скворцова-Степанова, а также умеренные и патриотично настроенные интеллектуалы – социал-демократы, такие как экономист С.Н. Прокопович и его жена Е.Д Кускова, Максим Горький. На этом совещании не выработали политической позиции, приемлемой для всех участников. Не достигли единства даже по таким вопросам, как одобрение военных кредитов в Думе. Раскол в социал-демократическом движении не вызвал, однако, разногласий в вопросе отношения к царскому правительству. Все социал-демократы, как и социалисты-революционеры, считали неизбежной последовательную и решительную борьбу против царизма. Различия состояли лишь в тактике и времени выступлений.

Умеренные социалисты доказывали, что победа прусского милитаризма была бы гибельной для политической борьбы пролетариата. Они призывали рабочих воспользоваться военным временем для политической самоорганизации. Умеренные осуждали агитацию за немедленное революционное действие во время войны как бессмысленное «вспышкопускательство». Такой безрассудный курс привел бы только к неоправданным жертвам и поставил бы под угрозу шансы на успешное выступление по окончании войны, в период демобилизации. Такие взгляды находили поддержку даже у некоторых большевиков.

Однако всегда существовало твердое ядро социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков), которые, вы-

полняя инструкции из-за рубежа Ленина (Ульянова) и Мартова (Цедербаума)[27], продолжали занимать непримиримую позицию в отношении войны. Они осуждали работу на заводах по производству боеприпасов как «предательство дела пролетариата» и требовали немедленного революционного действия, независимо от шансов на успех и возможных последствий для боевых действий на фронте.

Когда летом 1915 года организаторы ВПК предложили, чтобы рабочие сформировали специальные рабочие группы при ВПК, представители двух течений рабочего движения отнеслись к этому предложению с диаметрально противоположных позиций. Большевики и другие пораженческие группировки социалистов (эсеры-максималисты, меньшевики-интернационалисты, Межрайонная группа в Петрограде и другие) решительно выступили против выборов в эти рабочие группы. Они обвиняли умеренных, выступавших за выборы в рабочие группы, в том, что они стали лакеями империализма и помогали капиталистам, наживавшимся на войне, эксплуатировать рабочих военной промышленности. В то же время большинство умеренных – или «ликвидаторов» (то есть тех социал-демократов, которые отстаивали скорее легальные, чем нелегальные методы борьбы) – соблазнились возможностями организации профсоюзов на

[27] Точка зрения Ленина хорошо известна из его статей в «Социал-демократе» и других работ, которые появлялись в его сборниках. Письмо Мартова о войне опубликовано И. Меницким (с. 174–179). Обратите внимание на двусмысленный комментарий Меницкого на с. 179.

широкой основе с молчаливого согласия и поддержки промышленников. Гучков и другие политически мыслящие промышленники предлагали блестящие перспективы будущему организованному рабочему движению в России. Они высказывались за созыв Всероссийского съезда представителей рабочего класса в целом. Съезд избрал бы Всероссийский союз рабочих, который во взаимодействии с другими самодеятельными организациями смог бы отобрать власть в стране у дискредитированной самодержавной бюрократии. Поддержку, предложенную Гучковым, Коноваловым и Терещенко, рабочие группы приветствовали, хотя и осознавали потенциальные опасности. Тред-юнионизм мог обеспечить легальную основу ненасильственной борьбы за чисто экономические цели, то есть за улучшение жизни и условий работы трудящихся. Однако тред-юнионизм в качестве основной формы политической организации рабочего класса напрочь отвергался большевиками и, особенно, Лениным, которые всегда осуждали его как измену делу революции, считая последнюю единственным способом разрешения социальных проблем. Большевики и другие радикальные революционеры сравнивали тред-юнионизм, особенно в форме предусмотренной «господами Гучковым, Коноваловым и компанией», с субсидируемыми полицией рабочими организациями (их создавал скандально известный Зубатов в годы, предшествовавшие революции 1905 года).

Радикалы обрушились на идею создания рабочих групп

еще раньше, чем она была претворена в жизнь. Первое собрание, созванное 29 сентября 1915 года в Петрограде для избрания представителей в рабочие группы, не удалось. Оно решило прекратить выборы в Центральный ВПК и провинциальные комитеты. Присутствовавший на собрании К. Гвоздев (Масон, сидел в лагерях в 1931–1956 годах, дальнейшая судьба не известна. – *Ред.*), делегат меньшевиков от мастерских Эриксона, возмущался в газетах левого направления якобы плохой организацией собрания. Его возмущение поддержал Центральный ВПК. 29 ноября провели другое собрание, и на этот раз избрали в Центральный ВПК меньшевиков и эсеров (всего 10 человек, среди которых оказался Гвоздев и полицейский агент Абросимов). На этом же собрании были избраны в Петроградский провинциальный комитет шесть представителей, по три от меньшевиков и эсеров.

Через два дня после избрания комитета Петроградский комитет большевиков выпустил листовку, обращенную «ко всем петербургским пролетариям», которая начиналась словами: «Товарищи, измена свершилась. 29 ноября под руководством Гучкова, господина Гвоздева и компании разыграна комедия выборов представителей петербургского пролетариата в Центральный и Петербургский военно-промышленные комитеты. Горстка предателей и ренегатов, действуя за спинами рабочих, пошла на сомнительную сделку с буржуазией. Она променяла классовую непримиримость и интернациональную солидарность пролетариата на возмож-

ность развалиться в мягких и удобных креслах офисов Военно-промышленных комитетов, действующих под председательством Гучкова, приспешника Столыпина, оправдывавшего в 1906 году суды революционеров военными трибуналами…»[28].

Кузьме Гвоздеву, лидеру рабочей группы Центрального ВПК в Петрограде, приходилось «сражаться на двух фронтах». С одной стороны, ему нужно было оказывать давление на предпринимателей для защиты интересов рабочих – как в самом комитете, так и в Особых совещаниях по обороне, где были представлены ВПК. С другой стороны, ему приходилось отбивать нападки большевиков и успокаивать колеблющихся рабочих, избравших его в рабочую группу.

Чтобы дать отпор радикалам, Гвоздев и его соратники выработали наставление, констатировавшее политические принципы, согласно которым представители рабочей группы при Центральном ВПК должны были действовать. Это наставление, а также ряд резолюций, принятых на собрании избирателей 29 ноября, отражали противоречивость позиции Гвоздева и рассматривались Департаментом полиции как доказательство негласного пораженчества и политической ди-

---

[28] Эта листовка перепечатана журналом «Сборник социал-демократа» № 1, публиковавшимся Лениным и Зиновьевым (Радомысльским) в Швейцарии. Ее переслал туда Александр Шляпников, который поместил в том же выпуске журнала под псевдонимом Белении обзор деятельности большевиков за первые два месяца войны. Заметим, что большевики отказались принять новое название Санкт-Петербурга Петроград, считая его «шовинистическим».

версии. Полицейский доклад[29] приводит цитату из наставления.

«Безответственное правительство России, ввязавшись в эту войну, в то же время продолжает беспощадную войну против собственного народа, подводя страну, таким образом, к грани поражения. Мы заявляем, что это безответственное правительство виновно во всех военных невзгодах, но мы также считаем необходимым заявить, что часть ответственности за это падает на Государственную думу и политические партии, составляющие ее большинство, которые целый год оказывали поддержку режиму военной диктатуры и скрывали правду от народа…

Поэтому мы считаем первейшей задачей… созыв конституционной ассамблеи на основе всеобщего… избирательного права; немедленное предоставление всех гражданских свобод (слова, собраний, печати и объединений); равно как отмену всякой национальной дискриминации; предоставление права на самоопределение всем нациям, населяющим Россию; немедленное проведение новых выборов во все городские и земские учреждения на основе формулы из четырех пунктов (то есть всеобщее и равное избирательное право, прямое и тайное голосование); введение всеобъемлюще-

---

[29] См. статью «Рабочее движение в годы войны», опубликованную Центрархивом в серии «Материалы по истории рабочего движения», под общей редакцией Лозовского. Статья подготовлена к публикации М.Г. Флиером и опубликована в журнале «Вопросы труда» (М., 1925 или 1926), поэтому есть ссылка на Флиера. Доклад Департамента полиции помещен на с. 269–291.

го социального законодательства, 8-часового рабочего дня, передачу помещичьей земли крестьянам, немедленную амнистию всех, кто преследовались по политическим или религиозным убеждениям.

Добиваясь этих требований, рабочий класс, как всегда, поддержит любое реальное усилие буржуазных кругов в направлении постепенного освобождения страны, но будет неустанно подвергать остракизму всякую половинчатость, отсутствие решимости, соглашательство с либералами и будет побуждать эти круги бороться с режимом с большей решимостью».

В соответствии с этим наставлением вновь избранные члены рабочей группы при Центральном ВПК выступили 3 декабря 1915 года с заявлением, которое цитируется в том же полицейском докладе:

«Учитывая нынешнюю ситуацию в стране и потребности ее обороны… и считая единственным выходом… полный разрыв с существующим режимом, рабочий класс сейчас не может, не обманывая себя и народ, взять на себя ответственность за оборону страны. Не могут рабочие взять на себя также ответственность за работу Центрального ВПК, который, по сути, является организацией буржуазных индивидуалистов. Если тем не менее мы все-таки решили участвовать в работе ВПК, то только потому, что считали своим долгом использовать подобные учреждения для продвижения своих взглядов относительно потребностей страны и средств ее

спасения от гибели; а также защищать интересы рабочих путем противодействия всем попыткам лишить их завоеваний, помочь организации рабочих всеми возможными способами»[30].

Полицейский доклад придает большое значение последнему обстоятельству, именно организации рабочего движения рабочими группами при Центральном ВПК. В докладе подчеркивалось, что ВПК обеспечивал рабочих средствами самоорганизации. За счет комитета им предоставлялись две комнаты и телефонная связь. Меньшевика Богданова назначили секретарем рабочей группы с окладом в 250 рублей в месяц. Другие денежные суммы тратились на содержание помощника секретаря, двух клерков, на дорожные расходы, компенсацию потерь в оплате членов рабочей группы и создание небольших фондов при офисах.

Сформированная таким образом рабочая группа сразу же начала кампанию за созыв Всероссийского съезда рабочих. Эту кампанию поддерживал Центральный ВПК. Члены рабочей группы, казалось, не особенно выражали благодарность руководству ВПК за необыкновенную щедрость. Сообщается, что один из них заявил на заседании Центрального ВПК:

«Совершенно очевидно, что, создав Центральный ВПК, представители промышленности преследуют сейчас три цели: внести свой вклад в оборону страны, постепенно захва-

---

[30] *Флиер*. С. 278.

тить всю власть и, наконец, обогатиться. Все это чуждо интересам рабочего класса. Поэтому мы просим разрешения заниматься в качестве представителей рабочего класса организацией рабочих и удовлетворением их нужд»[31].

Несмотря на это, лидеры ВПК продолжали поддерживать организационную и пропагандистскую деятельность рабочей группы Гвоздева. 4 января 1916 года заместитель председателя Центрального ВПК Коновалов просил министра внутренних дел дать разрешение рабочей группе организовать собрания рабочих. Министр отказал.

Департамент полиции относился к рабочим группам подозрительно и считал их попытки заниматься организацией рабочего движения и выступать в защиту его классовых интересов несовместимыми с первоначальной хартией ВПК, одобренной Советом министров в августе 1915 года. Некоторые промышленники (например, заместитель председателя Московского провинциального ВПК Третьяков) также противились формированию рабочих групп и их претензиям защищать интересы рабочего класса Однако энергичное вмешательство руководителя Московской рабочей группы Черегородцева, поддержанное Коноваловым, обеспечило формирование Московской рабочей группы на тех же основаниях, что и Петроградской. В других провинциальных городах (исключая Киев) попытки провести выборы рабочих представителей в ВПК провалились. Это случилось главным об-

---

[31] *Флиер*. С. 278.

разом потому, что на собраниях избирателей принимались резолюции откровенно революционного характера. Так, в докладах полиции цитируется резолюция собрания избирателей в Самаре от 26 февраля 1916 года. Она гласила:

«Мы вступаем в ВПК не для того, чтобы производить пушки, убивающие наших немецких товарищей, – мы считаем это пагубным для себя и наших братьев по оружию, воюющих с нами. Вот почему войну следует прекратить без аннексий и контрибуций. Вот наши требования: 1) государственное страхование рабочих; 2) конфискация и распределение среди крестьян всей земли, принадлежащей царской короне и помещикам; 3) отделение церкви от государства; 4) 8-часовой рабочий день; 5) свобода забастовок и организации профсоюзов; свобода печати и неприкосновенность личности; 6) всеобщая амнистия; 7) демократическая республика»[32].

Как видим, полиция была полностью осведомлена о пораженческих настроениях и подрывных действиях среди рабочих, которых Гучков пытался привлечь к участию в ВПК. Позднее мы покажем, что полиция через своего агента в рабочей группе при Центральном ВПК Абросимова насаждала и поощряла распространение пораженчества и подрывных настроений среди рабочих[33]. Полиция, возможно, относилась терпимо к этой пропаганде в соответствии с планом

---

[32] *Флиер.* С. 284 и далее.

[33] См. часть 2, глава 9, раздел 7.

МВД, направленным на компрометацию и в дальнейшем судебное преследование не только членов рабочих групп при ВПК, но также тех, кто вовлекал рабочих в эти группы. Решительные меры против ВПК пришлось, однако, отложить в связи с неизбежным окончанием войны. ВПК пережили время, когда они еще были полезны.

Глава 2
РАБОЧЕЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. Оборонцы

Тесное сотрудничество «буржуазии», патриотического руководства самодеятельных организаций, а также меньшевиков и эсеров из рабочих стало возможным благодаря их общей нацеленности потрясти основы царского режима. Это был тактический союз, плохо скрывавший различия в конечных целях. Такие деятели, как Гучков и Коновалов, надеялись добиться конституционных уступок путем ослабления правительства и дискредитации царя. С другой стороны, рабочие (точнее, их лидеры. – *Ред.*) надеялись открыть шлюзы революции. Сотрудничество революционеров-оборонцев и либеральных реформаторов осуществлялось открыто и публично. Также не составляло секрета и молчаливое негласное взаимопонимание между пораженцами или революционерами-«скрытыми пораженцами» и самодеятельными организациями. Несмотря на яростные нападки большевиков на рабочие группы и рабочих военной промышленности, все-таки сохранялись товарищеские связи в форме смешанных боль-

шевистско-меньшевистских рабочих комитетов в ряде промышленных центров. По таким каналам предпринимались меры с целью уберечь от военной службы революционных рабочих. Эти рабочие принимались в самодеятельные организации на «резервные должности», что освобождало их от призыва. Позднее адвокаты самодеятельных организаций старались отрицать наличие этой практики. Но в ранних мемуарах революционеров довольно часто признается использование такого метода уклонения от отправки на фронт[34]. Даже В.М. Молотов (под своей настоящей фамилией Скрябин) служил некоторое время в городском союзе Москвы до своего ареста в июне 1915 года[35]. Другие большевики приняли открытую оборонческую позицию и работали в самодеятельных организациях. Фактически они могли позднее заявить, что гораздо более были вовлечены в штурм самодержавия, чем в оборонную деятельность. И это было справедливо, например, в отношении Н.И. Иорданского, регулярно писавшего на животрепещущие темы в конфиденциальном журнале, публиковавшемся Объединенным комитетом союзов по снабжению армии.

Деятельность небольших групп большевиков и других революционеров-пораженцев в рабочих массах России следует рассматривать в контексте новой ситуации в промышленно-

---

[34] См. Меницкий и биографии революционеров того времени в энциклопедии «Гранат» (М., 1910–1938. Т. XII).

[35] *Меницкий.* Т. 2. С. 265.

сти, сложившейся в результате дезорганизации мирной жизни, а также создания самодеятельных организаций, особенно ВПК. Шансы добиться успеха, которые давали традиционные методы массовой агитации революционеров – выпуск прокламаций по принципиальным вопросам, таких как известная резолюция о войне, опубликованная в Швейцарии в ленинской газете «Социал-демократ» за № 33, – по сравнению с возможностями, которые предоставляла эта новая ситуация, выглядели тщетными.

Эсеры первыми поняли, что реальные надежды на продвижение дела революции в военное время заключаются не в эксплуатации предполагавшихся антивоенных настроений народных масс, – настроений, существовавших больше в воображении некоторых революционных догматиков и опровергнутых стихийными патриотическими и монархическими демонстрациями в начале войны. Эти надежды состояли в проникновении в военную администрацию, закреплении в ней и затем использовании ее в качестве теневого правительства в час расплаты, перед демобилизацией вооруженных сил.

Эту позицию отражает, например, резолюция самарского отделения партии эсеров[36]. Резолюция гласила:

«Принимая во внимание нынешнюю войну – к которой в целом мы можем отнестись только негативно – и учитывая, что политика милитаризма и империализма, противо-

[36] Опубликована в сборнике Меницкого (Т. 1. С. 145).

речащая коренным образом интересам демократии и проводившаяся Германией многие годы до того, как она привела к нынешней войне, стала бы лишь еще интенсивней, если бы Германия выиграла эту войну; горячо желая победы Антанты над Германией, мы в настоящее время воздерживаемся от всех действий, которые могли бы привести к ослаблению способности России к сопротивлению.

Твердо убежденные в том, что в случае победы наше правительство использует любую возможность укрепить свои позиции и что всенародный энтузиазм, пробудившийся в результате последних событий – если он не примет революционных форм – принудит правительство в лучшем случае к незначительным уступкам, которые не приведут к победе демократии; мы должны сосредоточить наши усилия, учитывая настроения в стране, на возбуждении – после окончания войны или раньше, если возникнут благоприятные условия – революционного движения в виде вооруженного восстания и всероссийской забастовки. Наша нынешняя задача, определяющая тактику партии, заключается в подготовке народных масс и армии к таким действиям».

Те же идеи были выражены в гораздо более литературной форме в манифесте от сентября 1915 года конференции социалистов-оборонцев за рубежом (включая социал-демократов, последователей Плеханова, и эсеров), которая заявила, что победа Германии приведет к деградации и разложе-

нию значительной части рабочих России[37]. Обращение конференции указывает на опасность утраты рабочим классом интереса к исходу войны, что было бы равнозначно политическому самоубийству. Те, кто желают поражения России из ненависти к царскому правительству, смешивают правительство с Отечеством. Россия принадлежит не царю, но рабочему классу страны. Защищая Россию, рабочий класс защищает себя и дело своего освобождения.

Далее манифест обвиняет российских реакционеров в примиренческой позиции в отношении Германии и упоминает слухи о том, что недавно вышедшие в отставку министры, Маклаков и Щегловитов, вручили в ноябре прошлого года царю меморандум, в котором они разъясняли преимущества примирения с Германией[38].

В библейском стиле манифест призывает рабочий класс быть «мудрым как змея в использовании лозунга победы над внешним врагом. Любая демонстрация революционного вспышкопускательства в тылу армии, воюющей на фронте, равнозначна измене. Это сыграет на руку внешнему врагу, а также поможет внутреннему врагу в связи с появлением

---

[37] Цитируется по тексту, воспроизведенному в официальном докладе МВД под заголовком «Обзор деятельности РСДРП за период от начала войны России с Австро-Венгрией и Германией до июля 1916 года» (с. 60 и далее). Первоначально текст опубликовали в сборнике № 3 «Россия и свобода» под редакцией Г. Алексинского в Париже.

[38] Те, кто готовили проект манифеста, – видимо, Плеханов и Чернов – не утруждали себя выяснением достоверности этих слухов.

недопонимания и разрыва между российской армией и прогрессивной частью русского народа… Если эти элементы нашего населения оправдывают свой отказ принимать участие в обороне России стремлением ускорить падение нынешнего правительства, то они лишь замедлят это падение».

Манифест предостерегает также от следования революционному лозунгу «все или ничего» и утверждает, что германский Генеральный штаб желает, чтобы революционеры следовали этому лозунгу, и оказывает поддержку распространителям этого лозунга в России. Германскому Генштабу «нужны в России беспорядки, в Англии – забастовки – ему нужно все, что помогло бы немецким планам агрессии. Но российские трудящиеся не станут ему помогать». Наконец, манифест подчеркивает важность проникновения в учреждения, «которые под давлением общественного мнения создаются сейчас в целях борьбы с внешним врагом[39]. Чем прочнее будет опора (представительство трудящихся) в таких учреждениях, тем легче будет бороться за освобождение России от внутреннего врага. Ваши представители должны принять участие в работе не только специальных технических организаций (таких как ВПК), которые создавались для обеспечения потребностей армии, но также во всех других общественных и политических организациях (органах сельского самоуправления, деревенских кооперативах, профсоюзах и фондах медицинского страхования рабочих, городских и

[39] То есть самодеятельные организации военного времени.

земских учреждениях и в Государственной думе).

Свободу можно добыть только на пути национальной самообороны.

Заметьте, однако, что мы далеки от того, чтобы говорить: «Сначала победа над внешним врагом и только потом разгром врага внутреннего».

Весьма вероятно, что победа над внутренним врагом может стать предпосылкой и гарантией для спасения России от германской угрозы»[40].

Оборонческий манифест можно считать основным кредо всех рабочих организаций, сотрудничавших в военных усилиях.

Но этот многословный манифест отражает также существенную слабость вынужденного оборончества. В конце концов, именно государство несло основное бремя военных усилий. Рабочим рекомендовалось помогать государственной машине в координации и управлении военной промышленностью, и в то же время их побуждали заниматься подрывом внутренней структуры государства. Подобная разновидность и противоречивость была характерна для типа мышле-

---

[40] Этот оборонческий манифест был подписан 10 сентября 1915 г. в Женеве. Следует обратить внимание на параллель между идеей конституционных перемен как существенного условия победы над Германией и аналогичными лозунгами, формулировавшимися в это время накануне съезда земского и городского союзов в Москве. Обращаем внимание также на выражения «внутренний» и «внешний» враг в манифесте и в диспозиции № 1 таинственного Комитета общественной безопасности, также сформированного, видимо, в начале сентября 1915 г.; см. часть 2, глава 8, раздел 2.

ния таких, как Плеханов. Она не могла воодушевить ни революционера, жаждущего активных действий, ни недовольного рабочего России. В целом оборонческие рабочие организации толковали такие двусмысленные рекомендации как призыв к умеренности их требований и отказу от использования оружия в военное время. Так им советовали поступать их лидеры, Потресов и Маевский, а также думские политики типа Керенского, который пользовался некоторым доверием рабочих.

2. Пораженцы

Разграничительная линия между оборонцами и пораженцами не совпадает с делением социал-демократов на большевиков и меньшевиков или делением эсеров на правых и левых. Некоторые меньшевики придерживались интернационалистской, не оборонческой позиции Мартова-Цедербаума, некоторые эсеры в России стремились сорганизоваться на антивоенной основе. С другой стороны, ряд зарубежных большевиков (например, Алексинский) и представителей их партии в России (например, Н.Д. Соколов) заняли оборонческую позицию. Что касается отдельных революционных выступлений, то отношение к ним большевистского руководства претерпело изменения. Если в 1916 году Петроградский большевистский комитет призывал рабочих выходить на демонстрации и снабжал их оружием, то накануне фев-

раля 1917 года, по имеющимся у нас убедительным свидетельствам, большевистские лидеры в Петрограде вели себя гораздо более сдержанно. Очевидно, они стали жертвами самообмана и либеральной пропаганды. Большевики ожидали, что министр внутренних дел Протопопов последует примеру 1905–1906 годов своего предшественника Дурново и позволит революционным толпам выйти на улицу, чтобы расстрелять их, используя войска. Возможно, большевики полагали также, что с приближением окончания войны завершающий штурм царского режима следовало отложить до начала демобилизации армии. Вот почему большевики отстали от Межрайонки (смешанной организации большевиков и меньшевиков в столице) в публикации своего манифеста, вышедшего 27 февраля, когда победа революционной массы и гарнизона Петрограда стала уже очевидной.

Влияние горстки большевиков, сохранявших активность после вступления России в войну, было гораздо менее значительным, чем представляла официальная советская историография. Число тех, кто разделяли пораженческую позицию Ленина, уменьшилось из-за арестов, ссылок, призыва на военную службу и в меньшей степени из-за перехода в стан оборонцев. Оставшиеся группы активистов, почти без исключения, находились под неусыпным наблюдением полиции, внедрившей в них своих агентов. Эти группы могли быть арестованы в любой момент. Из примерно двухсот сорока биографий и автобиографий «Деятелей СССР и

Октябрьской революции», опубликованных в энциклопедии «Гранат», почти сорок пять относятся к тем лицам, которые проживали в эмиграции. Они не принимали непосредственного участия в событиях в России. Семьдесят три бездействовали – либо из-за того, что утратили веру в эффективность революционной борьбы (подобно Красину), либо из-за того, что были сосланы в Сибирь перед началом войны (как Сталин) или в первые месяцы военных действий (как большевики-депутаты Думы и Каменев-Розенфельд). Из тех, которые во время войны продолжали действовать в подполье (всего около девяноста), приблизительно половина была выдана в разное время полиции и обезврежена. Многие из тех, которые избежали ареста, стали просто писать умеренные марксистские статьи для периодической прессы. Другие работали в революционном подполье по месту ссылки, не оказывая существенного влияния на положение в промышленных центрах.

Немногие решительные большевики, типа Молотова-Скрябина и Залуцкого, не прекратили борьбы даже после своего ареста и ссылки. Они бежали на волю, вернулись в столицы и, постоянно изменяя свои псевдонимы и места проживания, иногда добивались успехов в организации рабочих, сочувствующих большевикам.

В этом отношении особенно показательна карьера Александра Шляпникова, активно действовавшего в России большевика. Шляпников, один из немногих большевистских

руководителей действительно пролетарского происхождения, проработал шесть лет рабочим на промышленных предприятиях Западной Европы. Весной 1914 года он вернулся в Россию с паспортом французского гражданина по имени Ноэ. Работал рабочим-металлистом на различных заводах, участвовал в массовых забастовках в Петрограде как до, так и сразу же после начала войны. Он снова уехал за границу, когда партийное руководство, тогда еще остававшееся на свободе, было арестовано 4 ноября 1914 года в деревне Озерки (Финляндия). Петроградский комитет предпринимал отчаянные попытки организовывать забастовки и демонстрации в защиту арестованных большевистских депутатов Думы, а позднее – в знак протеста против суда над ними и ссылки в феврале 1915 года. Отсутствие отклика со стороны трудящихся дает представление о степени влияния большевиков в массах в то время. Шляпников винил в отсутствии поддержки со стороны рабочих самих арестованных руководителей.

Суд над депутатами происходил в атмосфере нерешительности и колебаний. Позиция, занятая в суде депутатами, вызывала недоумение. Складывалось впечатление, что депутаты вели себя не так, как подобает представителям ответственного верховного пролетарского центра, но, скорее, как представители провинциальных партийных комитетов. Многие сожалели, что товарищи депутаты продемонстрировали так мало твердости, но усматривали оправдание этого

в атмосфере террора…[41]

В сентябре 1914 года Шляпников по заданию Петроградского комитета отбыл в Скандинавию для установления связи с ЦК партии. Там он встретился с Александрой Коллонтай, этой «Эге-рией большевистской элиты» (а в чем-то, если продолжить ассоциации с античностью, и Мессалиной. – *Ред.*), которая поддерживала тогда тесные контакты с Лениным и Крупской. (Эгерия – обладавшая даром пророчества нимфа священного ручья, из которого жрицы-весталки черпали воду для храма богини Весты, супруга и советница второго римского царя Нумы Помпилия (715–673/672 гг. до н. э. – *Ред.*). Шляпников стал ее ближайшим доверенным лицом и тем самым значительно усилил свои позиции в партии. Это не помешало ему вернуться в ноябре 1915 года в Петроград для ведения подпольной работы. В 1915 году его кооптировали в ЦК партии. В 1916 году ему удалось во второй раз во время войны выехать за рубеж для сбора средств в фонд партии в Америке. По возвращении он обнаружил, что Бюро ЦК партии в России «частью арестовано, частью дезорганизовано, так что пришлось создать новое Бюро ЦК»[42].

Позднее в своих воспоминаниях о революции в России Шляпников, несмотря на партийную пристрастность, пока-

---

[41] Из отчета Беленина (псевдоним Шляпникова) в журнале «Сборник социал-демократа» № 1, издававшегося в Швейцарии Ульяновым-Лениным и Радомысльским-Зиновьевым (с. 57).

[42] «Гранат», автобиография Шляпникова (Т. XLI. Ч. 3. С. 249).

зал себя честным и интеллигентным наблюдателем революционных событий. Однако его персональный успех в дни подпольной работы и негласных контактов с партийным руководством за рубежом, должно быть, подействовал на него самого и побудил его переоценивать важность большевистского подполья. В оценке положения России в первые двадцать месяцев войны Шляпников утверждает, что, несмотря на отсутствие поддержки со стороны революционной интеллигенции, подпольная деятельность рабочего класса никогда не прекращалась. Он пишет: «Рабочие организации выдвинули своих собственных полнокровных пролетарских лидеров… Как и в мирное время, организационную опору подпольных рабочих организаций составляли фабрика, мастерская, завод… Помимо постоянных организаций нашей партии, на определенных фабриках существовали другие организации – не входившие в нашу партию – нелегальные группы (эсеров, «объединенных социалистов», анархо-коммунистов). Созывались неформальные конференции таких групп в целях разрешения проблем местного характера, проистекающих из внутренних противоречий в этих группах. Отношение к войне и борьбе против шовинизма, а также эксплуатации «патриотических» настроений стояли в центре всей идеологической работы в промышленных центрах по всей России. Деятельность нашей партии во время войны требует своего собственного историка. Ее грандиозный масштаб можно оценить лавиной забастовок, которые постоянно рас-

шатывали подгнивший остов царизма».

Однако Шляпников признает, что пропагандистские материалы, печатавшиеся в подполье, не могли удовлетворить широкий спрос на большевистскую литературу. Он отмечает, что памфлет Ленина и Зиновьева «Война и социализм» объемом более ста страниц распространялся в Москве в копиях, отпечатанных на пишущей машинке. Он добавляет, что фотографии большевистских депутатов Думы, сосланных в Сибирь (тех самых депутатов, чье недостойное поведение Шляпников осуждает в той же статье), были распроданы не менее чем в 5 тысячах экземпляров.

Шляпников умерил бы свой восторг относительно нового пролетарского руководства подпольными большевистскими группами, выраженный в его отчете в марте 1916 года, если бы знал то, что выяснилось полностью после февраля 1917 года. Речь идет о той колоссальной роли, которую играли в революционном подполье полицейские агенты – как шпионы, так и агенты-провокаторы. Не вызывавшие сомнения листовки печатались в значительных количествах, как утверждает Шляпников, различными комитетами Петрограда, Москвы и других городов, быстро возникавшими и так же быстро исчезавшими. Однако мы теперь знаем, что это происходило с ведома охранки. Она обычно позволяла таким организациям действовать определенное время. Как только комитет заканчивал формироваться, приобретал необходимую технику (то есть оборудование для подпольной печа-

ти) и начинал выпускать агитационные материалы, полиция принимала в отношении него меры, подвергала аресту состав комитета, а печатные станки и листовки – конфискации. Иногда полиция передавала материалы, содержащие доказательства подрывной деятельности комитетов, в прокуратуру. Подозреваемых лиц либо обвиняли в антиправительственной деятельности, выражавшейся в призывах к насилию, либо в принадлежности к преступной организации – Российской социал-демократической партии. Во время войны подобного рода процессы происходили в районных военных судах. Это были, однако, обычные гражданские суды с использованием адвокатов. Они отличались от настоящих военных судов в прифронтовых зонах, находящихся под непосредственным контролем военных властей. Поражает снисходительность, с которой эти суды относились к обвиняемым, чье участие в подрывной деятельности не вызывало сомнений и позднее, после революции, становилось предлогом для гордости и бравады самих «правонарушителей»[43]. Возникает ощущение, что определенные оправдательные вердикты выносились судами в качестве некоего вызова царскому правительству под воздействием антиправительственной кампании либеральных кругов и самодеятельных организаций военного времени. Во всяком случае, эти судебные

---

[43] См., к примеру, материалы о процессах против так называемой «Пресненской» группы РСДРП, опубликованные в приложении к сборнику Меницкого (Т. 2. С. 274–304).

решения демонстрировали глубокое и в целом оправданное недоверие к обличительным документам тайной полиции, чья практика провоцирования революционных выступлений широко обсуждалась, возможно, и с явными преувеличениями.

Полицейских агентов, действовавших в подпольных группах, имелось великое множество. Меницкий упоминает около 50 из них, которые работали в одной только Москве в 1914–1916 годах. Революционеры из других мест называли Москву «городом провокаторов»[44]. Обстановка в Петрограде не слишком отличалась от московской. Возможно, многих полицейских агентов спасли от разоблачения разгром и поджог здания тайной полиции 27 февраля 1917 года.

Представляется, однако, что полковник Мартынов, возглавлявший Департамент тайной полиции в Москве, был исключительно способным и решительным офицером. Даже такие искушенные в технике конспиративной работы революционеры, как Крыленко и мадам Розмирович, прибывшие летом 1915 года в Москву из Швейцарии с подложными паспортами, вскоре оказались в руках агентов Мартынова. К ноябрю они уже были в заключении. Оба приехали в Россию в качестве эмиссаров Ленина, с которым поддерживали близкие, если не дружественные, связи в Швейцарии[45]. Эмисса-

---

[44] См. списки агентов Московской охранки в приложениях к сборнику Меницкого (Т. 1 и 2).

[45] Они проживали в этой стране некоторое время в 1915 г. Крупская жало-

рам было поручено оказать помощь в активизации большевистского подполья в Москве. Полиция использовала свои права таким образом, чтобы не отдавать их под суд, но выслать вместо этого «в административном порядке» – Розмирович на пять лет в Сибирь, а Крыленко – в Харьков, где его призвали в армию.

Так, между прочим, закончилась самая серьезная попытка Ленина направить в Россию эмиссаров во время войны. Он знакомился с событиями в стране посредством переписки, особенно переписки с сестрами Марией и Анной, которые сами находились под наблюдением охранки. Представляется, что Ленин полностью сознавал трудности, с которыми большевики сталкивались в России в это время. Его советы и инструкции Шляпникову большей частью касались улучшения конспирации и создания тонкой сети подпольных организаций с крайне незначительной деятельностью по подготовке прямых массовых акций или полным ее отсутствием. Ленина одолевала также необходимость борьбы с оборонцами, полуоборонцами и «примиренцами», основным выразителем которых, по его мнению, был глава меньшевистской фракции в Думе Чхеидзе.

Ленин горячо надеялся, что война на каком-то этапе разрушит существующую социальную систему. Отсюда его призыв к вооруженным силам враждебных государств превра-

---

валась в ряде случаев на их недисциплинированное поведение (см.: Ленинский сборник. Т. XI. М., 1931).

тить мировую войну в гражданскую. Отсюда его призыв повернуть штыки против своих собственных правителей. Но, хотя Ленин предостерегал не обманываться «гробовым молчанием в Европе в настоящее время» (это было написано в январе 1917 года!) и утверждал, что «Европа беременна революцией», в это время он ожидал в лучшем случае восстания в других странах типа революции в России 1905 года:

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении в Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»[46].

Попытки большевистских историков воссоздать героическое прошлое партии и показать, что она систематически готовилась к руководству революционным движением до февраля и в феврале 1917 года, представляют собой смесь напыщенности и фальши. Нельзя сказать, что такие деятели, как Шляпников или Молотов, не вели отчаянную борьбу с тайной полицией. Но утверждение Большой советской энциклопедии (первое издание), что «Молотову удалось в 1916 году избежать ареста и непосредственно участвовать в боль-

---

[46] Из лекции на собрании швейцарской рабочей молодежи, прочитанной Лениным 22 января 1917 г. (см.: *Кения* В. И. Сочинения. 2-е и 3-е изд.: В 30 т. М.; Л, 1926–1932, 1928–1937. Т. XIX. С. 357).

шевистском руководстве революционным движением, которое подготовило Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года», является пародией на действительное развитие событий. Молотов предпринял решительную попытку в 1915 году реорганизовать большевистское подполье в Москве, когда взялся за работу в городском союзе и проявил активность как пропагандист и большевистский организатор рабочих района Лефортово. В июне 1915 года на него донесли полиции, после чего он был арестован и сослан в Сибирь. По пути он встретил несколько других большевиков, с которыми вернулся в европейскую часть России. Весной 1916 года он вновь ведет партийную работу и проживает нелегально в Петрограде. Молотов, Шляпников и Залуцкий сформировали так называемое Российское бюро ЦК большевистской партии. Этот орган не раскрывал себя установлением контактов с рабочими и благодаря этому избежал разгрома даже тогда, когда вновь воссозданный большевистский Петроградский комитет арестовали по доносу провокатора Черномазова перед самым началом революции. Вот почему члены Российского бюро смогли принять участие в демонстрациях 27 и 28 февраля, а также в формировании Петроградского Совета.

Все это отнюдь не доказывает, что большевистское руководство планировало или организовало февральские демонстрации и, особенно, солдатское восстание. Наоборот, все свидетельствует о том, что большевикам не удалось создать

организацию, способную спровоцировать в то время массовые демонстрации. Большевики не ожидали, что революция разразится до окончания войны. Весной 1917 года они особенно не верили в массовые акции и боялись провокаций полиции. Драматическое развитие событий застало большевистское руководство врасплох. Как только большевики осознали грандиозные масштабы народного движения и его возможные политические последствия, они решили воспользоваться этим. Но так поступал, в конце концов, каждый, кто верил в то, что последний час старого режима пробил, даже после некоторого колебания и председатель Думы Родзянко.

Глава 3
АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Армия в мирное и военное время

Подавляющее большинство исследователей Февральской революции в России соглашается в одном: ее вызвали и определили война и военная обстановка. Но согласие имеется лишь в этом вопросе, между тем в отношении способов воздействия войны на зарождение и ход революции существует широкий разброс мнений. В прошлом широко распространилось мнение, что главными причинами революции были отсутствие успехов на фронтах и провал усилий властей по организации работы тыла. Такое толкование причин революции родилось из яростной критики либеральных кругов и радикалов царского правительства в 1915–1917 годах и, возможно, не является объективным. Как бы ни казалось справедливым это обвинение со стороны оппозиции военного времени, имеется возражение против лежащего в его основе утверждения, будто неэффективное и безуспешное ведение войны обязательно ведет к падению правительства или режима. Поражение в войне вовсе не обязательно является прелюдией к революции. Восстание декабристов 1825 года последовало за победоносными войнами. Поражение

России в Крымской войне не привело к революции. Но если правительство и его учреждения оказываются неспособными управлять энергиями, возникающими в ходе войны, неизбежно возникает революционная ситуация. По каким-то причинам Николай II и его правительство оказались совершенно неспособными овладеть этими энергиями и утратили контроль над ними задолго до того, как они приобрели бунтарский характер.

Сказанное относится прежде всего к русской армии. И после введения всеобщей воинской повинности с 1 января 1874 года русская армия оставалась управляемым и надежным инструментом в руках правительства. Во время революции 1905 года именно армия и казачьи части, несмотря на отдельные нарушения воинского долга и мятежи, обеспечили победу правительству над революционерами и массами народа, попавшими под влияние их пропаганды. Вооруженные силы хранили особую верность государю императору. Это не было простой формальностью как для рядового состава и нижних чинов, комплектовавшихся главным образом из крестьян, так и для офицерского корпуса. Эта преданность обеспечивалась как мистическим ощущением происхождения монархии от Бога (царь – помазанник Божий), так и определенной социальной обособленностью военных, которые были в подобной изоляции менее подвержены политическому влиянию.

Широкомасштабный призыв на военную службу ново-

бранцев и резервистов в начале Первой мировой войны радикально изменил обстановку. Молодые русские крестьяне первых призывов были прекрасными солдатами, отличались храбростью и дисциплинированностью. (Они большей частью полегли, были изранены и искалечены в героических и грандиозных битвах 1914–1915 годов. – *Ред.*) От них явно отличались бородатые, обремененные семьями мужчины, поглощенные думами о жизни в деревне и работе в своих оставленных на жен и многочисленных детей хозяйствах. Такие призывники после короткого периода переподготовки направлялись на фронт в качестве пополнения в 1915 году – и плохо вооруженные, часто плохо одетые и обутые.

В течение трех лет, предшествовавших революции, офицерский корпус претерпел еще большие изменения. Процент потерь русского офицерства на поле боя был немного выше, чем среди солдат. Быстрый рост разнообразных штабных учреждений, требовавших в штат военнослужащих с боевым опытом, имел следствием быстрые повышения по службе и утечку с фронта лиц, произведенных в офицеры в мирное время. Их заменяли в большом количестве бывшие унтер-офицеры и курсанты, которые проходили краткосрочные курсы подготовки в офицерских и кадетских школах. Курс офицерской подготовки, длившийся в мирное время более двух лет, сократился в 1916 году до шести месяцев. Изменился также социальный состав новых контингентов офицеров. Карьера офицера – за исключением гвардии –

перестала быть вотчиной высших сословий. Наоборот, офицерская служба в армии открылась для людей, которые ни в коем случае не принадлежали к привилегированным сословиям. Она фактически стала одним из главных средств социальной мобильности. Многие старшие офицеры на войне были гораздо более скромного происхождения и достатка, чем лидеры революции[47]. Карьера офицера, однако, связывала его с братством себе подобных, которое представляло собой каждодневную реальность и обязывало его следовать требованиям сурового корпоративного духа. Кардинальное изменение социальной структуры офицерского корпуса было вызвано мощным приливом новобранцев со срочных курсов подготовки офицеров военного времени. Большинство этих молодых людей ранее не помышляли о военной карьере. Многие из них пришли из университетов и принадлежали по своему мировоззрению к радикальной российской интеллигенции. Многие участвовали в деятельности так называемой «третьей стихии», то есть сотрудников городских учреждений и земств, через которые революционные партии – прежде всего эсеры – пытались проникнуть в административный механизм России. Другие симпатизировали революционным партиям, как таковым. В военное время офицерская карьера, служба в армии перестали внушать прежние

[47] Достаточно сравнить боевых офицеров, добившихся высоких чинов трудом, умом, храбростью и кровью, Корнилова или Деникина с Ульяновым-Лениным или Бронштейном-Троцким.

профессиональную гордость и эмоциональный подъем, хотя многие из новобранцев пошли на военную службу из патриотических побуждений. Но патриотизм в их понимании состоял скорее в преданности Родине, чем к царской особе, хотя они воспринимали эту разницу не вполне отчетливо.

2. Армия и власти

Перемены в армии отразились на ее отношении к правительству: она перестала быть надежным инструментом в борьбе против нарождающейся революции. Когда в 1917 году в Петрограде начались волнения и встал вопрос о подавлении мятежа расквартированных в столице частей, со всех сторон посыпались утверждения, что армия не способна и не пожелает это сделать. Утверждали, что армия уже не представляет собой элитное, как прежде, образование, практически изолированное от политического климата страны, но стала просто частью народа, одетой в солдатские шинели. В этом доводе есть, конечно, резон, но это требует пояснения. В 1917 году предположение, что любой человек в военной форме безропотно подчинится приказам правительства на подавление внутренних конфликтов, безусловно, уже не имело под собой оснований. Тем не менее нет доказательств того, что в стране не было воинских частей, на фронте или в самом Петрограде, готовых выполнить такой приказ без колебаний. Кавалерия, в которой замена личного состава про-

исходила гораздо медленнее, чем в пехоте и в которой около половины личного состава служили в армии еще до начала войны, могла, в принципе, рассматриваться как надежная опора самодержавия.

Отношения между правительством и вооруженными силами еще больше осложнились после организации Ставки (местопребывания высшего органа управления действующей армией, Верховного главнокомандующего), выдвигавшей свои претензии. Конституционным Верховным главнокомандующим был сам император. И в начале войны сложилось опасное положение, когда грандиозный масштаб конфликта не позволял однозначно ответить на вопрос, мог император или не мог считать своим долгом немедленно взять на себя командование действующей армией. В силу обстоятельств, возникших в последующие месяцы, этот вопрос не был решен сразу. Министрам и советникам удалось убедить царя назначить вместо себя Верховного главнокомандующего. Короткий период монарший выбор колебался между военным министром Сухомлиновым и дядей императора, великим князем Николаем Николаевичем. Последующее назначение Верховным главнокомандующим великого князя произошло отнюдь не потому, что между Ставкой и военным министерством отсутствовали противоречия. На самом деле великий князь не упускал возможности оскорбить или унизить военного министра, хотя Сухомлинов пользовался полным доверием и даже уважением царя. Великий князь

был человеком авторитарного склада, мистик и фаталист[48]. Тем не менее великий князь пользовался репутацией беспощадного и по-солдатски прямого военного человека, который строго относился к генералам и помнил о нуждах и трудностях личного состава армии. Хорошо известные германофобские чувства делали его приемлемым для «ура-патриотов», а история о том, что он убеждал своего племянника подписать манифест от 17 октября 1905 года, служила почвой для его взаимопонимания с либеральной оппозицией.

---

[48] См. довольно недоброжелательную характеристику великого князя в основанных на сплетнях мемуарах верховного священника (протопресвитера) вооруженных сил России, отца Г. Шавельского «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота» (Нью-Йорк, 1954).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.